

The background of the cover is a romantic illustration of a man and a woman in 19th-century attire. The man, on the left, has dark hair and is wearing a dark grey tailcoat over a white shirt and a gold cravat. He holds a bouquet of white flowers. The woman, on the right, has long, wavy brown hair and is wearing a vibrant blue off-the-shoulder gown with gold trim. She is looking up at the man, who is looking down at her. They are standing on a gravel path in front of a large, two-story stone house with multiple windows and a balcony. A fountain is visible in the garden to the right. The sky is a mix of soft pinks, oranges, and blues, suggesting a sunset or sunrise. White flowers are scattered throughout the scene, including a large branch in the top right corner and some at the bottom right.

ТАТЬЯНА
СЕРГАНОВА

БЫВШИЕ,
ИЛИ У ЛЮБВИ
ДРУГИЕ ПЛАНЫ

Татьяна Серганова
БЫВШИЕ, или У
любви другие планы
Серия «Строптивые невесты», книга 1

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69087463
SelfPub; 2023*

Аннотация

У Селины Торнтон жизнь расписана на годы вперед – позади учеба в высшей Академии, впереди свадьба с самым завидным женихом и счастливое будущее. Что же пошло не так? Почему всё разлетелось вдребезги? Как с этим связаны герцог из соседней страны и тайна, которую они скрывали несколько лет?

Содержание

Глава первая. Вечер перед свадьбой	4
Глава вторая. В Храме Великих	29
Глава третья. Тени прошлого, проблемы настоящего	53
Глава четвертая. Последствия ошибок	81
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Татьяна Серганова

Бывшие, или У любви другие планы

Глава первая. Вечер перед свадьбой

Селина

– Селина, милая, я удивлена твоему спокойствию и хладнокровию, – проворковала Мергери, обмахиваясь роскошным веером из разноцветных перьев птицы фольк (*при-м.автора. фольк – огромная птица, напоминающая что-то среднее между страусом и павлином, с длинными ногами, вытянутой шеей, крохотной головой и пышными разноцветными перьями, украшающими её хвост и крылья*).

Девушка то и дело бросала красноречивые взгляды в сторону стоящей совсем недалеко группы молодых людей и обмахивалась всё сильнее. Я тоже посещала уроки мадам Фонрау и отлично знала, что означают эти игры с пернатым аксессуаром, который был щедро украшен полудрагоценными камнями, сияющими не хуже настоящих. Проблема была в том, что мужчины этих уроков не посещали и в точности

определить намерения не могли. Но, несмотря на это, посыла чувствовали и глядели в сторону Мергери не менее заинтересованно.

Что ж, девушка никогда не скрывала, что прибыла сюда с одной только целью: найти подходящего жениха, достойного особы, обладающей искрой. Думаю, за этим дело не станет.

– Придёт твоя очередь выходить замуж, тогда и поймёшь, что я сейчас испытываю, – отозвалась я.

Глубоко вздохнув, насколько это было возможно из-за тугого корсета, тоже быстро осмотрела огромный балльный зал, освещенный сотнями свечей, которые украшали многоярусную люстру на потолке, и привычно нашла взглядом Эйдана, чтобы закончить:

– Усталость. И ничего кроме усталости, Мергери. По правде говоря, всё это страшно выматывает.

Мой будущий супруг стоял в другом конце зала в окружении лучших друзей, представляющих высшую знать Ванাগории. Они о чём-то переговаривались, хлопали друга по плечу и смеялись.

Эйдан сразу почувствовал мой взгляд, повернул голову и нежно улыбнулся, приподнимая уголки чувственных губ. Даже на таком расстоянии, когда обзору мешали снующие туда-сюда гости, я не могла не заметить теплоту его взгляда.

Волна счастья заполнила сердце, и я улыбнулась в ответ, ощущая, как вспыхивают щеки от смущения.

По правилам этикета Ванাগории, будущие супруги во вре-

мя бала накануне свадьбы не должны были подходить друг к другу ближе чем на метр. Разговаривать тоже запрещалось. Исключение составлял лишь один единственный танец, который объявлялся перед нашим уходом с праздника.

Как же это было сложно – находиться так близко и в то же время далеко. Улыбаться, разговаривать, а самой думать о том, что должно вскоре произойти.

И скучать. Эйдан помогал мне свыкнуться с мыслью, что наша свадьба уже совсем скоро, поддерживал во всем и украшал своим присутствием каждый день. Самый завидный жених Ванагории выбрал меня. И пусть о нашем браке родители договорились несколько лет назад, я знала, что на самом деле небезразлична виконту Санроу, и дело совсем не в искре. Знала и до сих пор не могла поверить своему счастью.

– А как же предвкушение? – вырвала из размышлений Мергери, переведя взгляд на меня. – Страх и волнение перед завтрашней ночью? Или она будет не такой уж и первой?

Фиалковые глаза жадно загорелись на красивом кукольном личике, а сама девушка подобралась, ожидая новой порции сплетен. Но я слишком хорошо знала дорогую подругу, она же бывшая соседка по комнате в общежитии академии, чтобы умело держать язык за зубами, выдавая информацию строго дозированно.

– Ты же отлично знаешь, – спокойно ответила ей, привычно убирая тёмный локон за ушко, – как я провела эти пять месяцев после выпуска. В беготне и подготовке, полностью

погрузившись в предсвадебные хлопоты. Этот выбор цвета салфеток между «невинное утро» и «мимолетное мгновение» мне снится в кошмарах. Я так и не поняла, чем они отличаются.

– «Мгновение» чуть темнее, – пояснила Мери, которая, в отличие от меня, обожала эти тонкости и нюансы.

– Ох, не напоминай мне. Я даже похудела на пять килограмм. Если бы ты слышала, как ругалась миссис Томсон на последней примерке. Ей вновь пришлось ушивать платья.

Наверное, не стоило поднимать эту тему. Вес для Мергери всегда был проблемой. Многочисленные диеты, срывы, истерики – сколько всего нам пришлось с Айолой выдержать за пять лет учёбы.

С Айолой Белфор, третьей девушкой из нашей комнаты, мы были ближе. Мне было так жаль, что подруга не смогла приехать на торжество. Путь из северного княжества Изгар длительный и очень сложный, занимающий не одну неделю. С ноября по март из-за повышенного риска схода лавин мало кто рисковал пересечь ущелье Анагорских гор по единственной дороге, соединяющей заснеженное княжество с остальным миром. Но Айола обещала приехать в гости весной, когда растает снег, и погостить целый месяц. Мы не виделись уже пять месяцев, и я страшно скучала по подруге и нашим разговорам. Почта между странами работала отвратительно, и за всё время я получила всего три письма.

– Селина, я не об этом.

– О чём тогда? – равнодушно спросила у неё и повернулась в сторону проходящего мимо лакея, на серебряном блюде которого стояли красивые пирожные, аккуратно упакованные в бумажные розетки, чтобы не испачкать сладкоежек вроде меня.

Мои любимые корзинки из песочного теста с ягодно-фруктовой начинкой, тонким слоем желе, обжаренными орешками и взбитыми сливками, посыпанные сверху невестомой стружкой из шоколада высочайшего качества. Франк, наш повар, сделал их специально для меня.

– Хочу побаловать юную госпожу её любимым десертом. Совсем скоро она покинет отчий дом, – заявил мужчина неделю назад, когда мы с матушкой утверждали окончательный перечень блюд для праздничного бала накануне свадьбы.

Я тогда растрогалась чуть ли не до слёз. Франк всегда меня баловал, сколько я себя помнила. У пожилого сангорианца каждый раз находился леденец, конфета или ароматный, румяный пирожок. А еще он спасал меня от нападок Лео. Старший братец всегда был большим выдумщиком на всякого рода проказы и издевательства. Особенно когда к нему присоединялся лучший друг Мартин Контэ.

– Я удивлена твоему самообладанию в связи с приездом в Ванагорию герцога Архольда.

Рука едва заметно дрогнула, когда я тянулась за пирожным. Но у меня была целая секунда, чтобы вернуть на лицо

спокойное выражение и невозмутимо ответить подруге:

– Разве Архольд здесь?

Всё-таки годы тренировок научили меня держать лицо, как подобает истинной леди Торнтон.

– О-о-о, – протянула Мергери и принялась интенсивнее обмахиваться веером, обдувая ветерком и меня. – Так ты не знала? Надо же. Да, он прибыл с дипломатической миссией около недели назад.

О прибытии очередной дипмиссии из Сангориа я слышала. Как не слышать, когда именно поступок нашего отца послужил толчком для обострения и без того сложных отношений. Долгожданный и выстраданный мирный договор между двумя странами должен был поставить точку на тридцатилетней вражде и служил чем-то вроде нового витка отношений. Но вот о том, что среди них будет Архольд, я не подозревала.

Удивляло другое: почему мне не рассказал об этом Лео или родители? Они ведь точно знали о его присутствии. Не хотели добавлять новых хлопот перед свадьбой или просто пытались скрыть?

А следом пришла и другая мысль. А знает ли Эйдан? Встречался ли он с Архольдом? Хотя это не имеет никакого значения. И сомневаюсь, что герцог еще помнит о моём существовании. Как бы горько это ни звучало, но я очень на это рассчитывала.

– Этого следовало ожидать. Архольд – известная семья

в Сангория. Логично, что он тоже участвует в обсуждении мирного соглашения.

Есть больше не хотелось, и я пыталась придумать, куда бы деть пирожное. Как назло, рядом не было ни одного лакея.

– Он снял особняк на Таргар-роу. Ну, ты помнишь это помпезное здание с огромными колоннами, облицованное жутким зелёным мрамором, как раз напротив входа в Гарет-парк.

– Помню, конечно. Отличный выбор, под стать титулу герцога и его положению, и до министерства недалеко.

Этот разговор стал утомлять. В зале стало нестерпимо душно. Хотелось выйти на балкон и глотнуть свежего морозного воздуха с ароматом угасшей листвы, но Мери упорно продолжала ворковать, хищно наблюдая за мной, ловя каждый жест и движение.

– Мы были у него два дня назад на большом музыкальном вечере. Он изменился. Дерек и раньше был хорош собой, но сейчас... – девушка закатила фиалковые глазки, и выражение на лице было такое противно-сладкое. – Еще немного, и Архольд потеснит твоего Эйдана на пьедестале первого красавца Ванагории. Странно только, что тебя не проинформировали о его приезде.

– Не вижу ничего странного, – я огляделась и наткнулась взглядом на столик с пуншем. Страшно захотелось пить, и повод сбежать от настырной подруги был преотличный.

– Ну как же, – хмыкнула она, сложив веер и постукивая

им по раскрытой ладони. — У вас же была история.

— Что? — я резко повернулась к ней, едва не роняя на пол несчастное пирожное, моментально утратив дружелюбие и благодушие. Тяжелые серьги больно оттянули уши, и косточки корсета весьма ощутимо впились под ребра, вышибая воздух из лёгких. Еще немного, и я просто потеряю сознание от этой духоты. Надо бы успокоиться, нельзя допустить скандала в такой день. — Что ты сейчас сказала?

— Ох, Селина, брось, это же все видели, — фыркнула Мергери, растянув губы в фальшивой улыбке.

— Между мной и герцогом Архольдом никогда ничего не было, — четко и кратко ответила ей.

— А между тобой и Дерексом Корвиллом? Ведь титул Архольда он получил всего два года назад.

— Мне всё равно, Мери, — я пожала плечами. — Я четыре года не видела Корвила или Архольда и видеть не горю желанием. Мои мысли сейчас заняты другим.

— А Эйдан знает? — не отставала она.

— Ему нечего знать, потому что ничего и не было, — отрезала я, пристально взглянув на девушку. — Надеюсь, это понятно?

— Как скажешь, дорогая. Как скажешь, — тут же пошла на попятную подруга, не решаясь открыто враждовать со мной.

Мергери, несмотря на искру, всё еще оставалась дочерью мелкого барона с юга Ванагории и оказалась на этом празднике лишь благодаря нашему знакомству. Она не могла не

понимать, что моя семья имела слишком большой вес в обществе. И открыто никогда бы не стала конфликтовать, зная, что при желании мы могли её просто уничтожить, лишив шанса на выгодную партию и вхождение в высший свет Ван-гории. А аристократия всегда придавала слишком большое значение титулам, землям и связям.

Но я не желала зла Мери и поэтому попыталась сгладить ситуацию, сделав вид, что ничего особенного не произошло и её слова меня нисколько не задели.

– Хочется пить, – вручив проходившему мимо лакею пирожное, спокойно произнесла я. – Здесь так душно. Пойду налью себе пунша.

И, не дожидаясь ответа, направилась в сторону столика у окна. Но дойти до него мне было не суждено.

– Карабеска! – громко произнёс мажордом.

И все взгляды в одно мгновение обратились в мою сторону.

Традиционный танец, который играли лишь в двух случаях: вечером перед свадьбой и на самом торжестве. Единственная возможность жениха и невесты побыть рядом накануне знаменательного праздника. Действо, которое позволялось лишь мужу и жене, таким откровенным по меркам общества оно было.

Вытерев внезапно взмокшие ладони о ткань нежно-голубого платья, я улыбнулась, выпрямила спину и медленно направилась к середине зала, где меня уже ждал Эйдан.

Как же тяжело дался мне этот путь. Каждый взгляд давил, и так сложно было не оступиться на шатких каблуках. Но я шла.

Сейчас мне предстояло в первый раз в жизни танцевать карабеску на глазах сотни приглашенных гостей. Первый, но не последний. Уже завтра, в это же время, мы вновь будем его танцевать, но как виконт и виконтесса Сарлоу. Танцевать, чтобы потом под радостный гомон и поздравления отправиться в спальню, став полноценными мужем и женой.

Вновь вспыхнули щеки. Но это было единственное свидетельство моего смущения и какого-то суеверного страха.

Короткий взгляд в сторону двери, будто я ожидала увидеть там знакомую мужскую фигуру. Но ничего и никого, кто бы мог испортить мне праздник. Чего и следовало ожидать. Архольда никогда не пропустят на землю Торнтонов.

Улыбка не сходила с лица, когда, присев в реверансе, я замерла рядом с женихом. Мы стояли на небольшом расстоянии вполоборота друг к другу, смотря глаза в глаза.

Я даже забыла, что мы здесь не одни и за нами наблюдают сотни любопытных глаз.

Зазвучали первые робкие звуки скрипки. Тоскливо-нежные, они будили внутри что-то невероятное, нежное, щемящее, грусть по уходящему вперемешку с радостью грядущего.

Мне так хотелось прыгать, плясать, кружиться в танце. Но мы лишь синхронно подняли левые руки вверх, соприкаса-

ясь запястьями. Моя правая рука осталась вдоль тела, придерживая подол пышного платья, в то время как его бережно легла на спину, обхватив меня за талию. Сквозь ткань я чувствовала, какой горячей была ладонь Эйдана, и снова вспыхнула от смущения.

Мы сделали небольшой круг на месте.

К скрипкам присоединилась виолончель. Еще один круг, только в другую сторону. Я, задержав дыхание, позволяла вести себя, неотрывно смотря в ярко-голубые глаза Эйдана и улыбаясь.

Моя рука была еще наверху, когда ладонь мужчины мягко скользнула вниз, касаясь в мимолётной ласке горящих щек. После чего мужчина бережно взял мою ладошку и опустил её вниз.

Теперь играли духовые, мы развернулись и застыли друг напротив друга, лицом к лицу. Нежное поглаживание большого пальца, ласкающего кисть руки. Разворот, и я оказалась прижата спиной к сильной груди, робко накрыв ладонями его руки, лежащие на моём животе. В таком положении мы сделали синхронно шаг назад, потом в сторону и вперёд, затем повторили то же самое, только в другую сторону.

Каждое движение мужчины остро ощущалось. Наши ноги переплетались, и присутствие жениха было таким ярким, что я едва могла дышать. От этой нечаянной интимной близости в горле пересохло и еще сильнее захотелось пить.

Резкий разворот, шорох моих многочисленных юбок, ко-

торые ударили нам по ногам, и мы в исходной позиции, вновь друг напротив друга.

Громко простонала скрипка, и я взмыла вверх, не в силах сдержать тихого смеха, выгибаясь в спине, когда Эйдан поднял меня над полом и закружил.

Опускалась я дольше, скользя по сильному телу, кусая губы и задержав дыхание, когда глаза жениха, которые находились так близко к моим, неожиданно стали тёмными и опасными.

Снова духовые, и мы закружились по залу, пытаюсь восстановить дыхание и прийти в себя после чувственной близости.

Раз-два-три... раз-два-три...

Незаметно к нам присоединяются сначала наши родители, затем и другие супружеские пары.

Карабеска – танец нежности, привязанности, любви и доверия.

Танец-обещание. Того, что случится совсем скоро. Теперь я как никогда понимала смысл этого действия. Столько раз стояла в толпе гостей, смотрела на танцующие пары, но не понимала.

Все тревоги и сомнения отступили, боль от узких туфель и давящего корсета тоже пропала. Я сейчас была просто счастливой беззаботной невестой в руках самого лучшего мужчины на свете.

– Селина, – выдохнул Эйдан, когда я во второй раз мед-

ленно опустилась вниз, лукаво сверкая глазами. Его голос был таким тихим и проникновенным, что по телу прошла дрожь. – Как же я соскучился. Смотреть на тебя весь этот вечер... Видеть твою улыбку, адресованную не мне... Слышать смех и не иметь возможности подойти. Коснуться.

– Таков обычай, – отступая на шаг, ответила ему, а голос тоже сел и был чужим, не моим.

Мы вновь кружили по залу. Лица гостей казались размытым пятном. Сейчас существовали лишь мы и это безумное притяжение, которое сияло между нами, как пробуждённая искра – ярко, волшебным и неукротимо.

– Завтра, – от его многообещающей улыбки сердце ухнуло вниз.

– Завтра, – кивнула в ответ.

– Моя. Только моя.

– Конечно, твоя, – ответила ему, старательно прогоняя назад червячок сомнения, который вновь проснулся у сердца и завозился, напоминая о прошлых ошибках.

Карабеска – заключительный танец для жениха и невесты, после которого они обязаны вернуться каждый в свои покои и лечь спать. Это гости могли веселиться хоть до поздней ночи, попивая пунш и дорогое вино из виноградников Корлии, солнечной страны в Тихой бухте, а нам завтра на рассвете надо явиться в храм Великих, чтобы совершить первый обряд вступления в брачный союз.

Лишь только отзвучали последние аккорды мелодии, как

ко мне подошел Леонард. Брат взял меня за руку и потянул на себя.

– Нам пора, Селина, – безапелляционно заявил молодой человек.

– Конечно, – я даже и не думала спорить, зная правила и собираясь следовать им.

Сил почти не осталось, слишком тяжелой была эта неделя. Сейчас больше всего на свете хотелось вернуться в свои покои, принять ванну и лечь спать.

– До завтра, – улыбнулся Эйдан, отвесив мне поклон. – Я буду считать часы.

– И я, – только успела прошептать жениху, как Лео развернул меня и потащил с центра зала.

Брат был выше на целую голову, и шаг у него был шире, плюс на мне были неудобные туфли и корсет болезненно давил на грудь, так что я едва за ним поспевала, задыхаясь и скользя на гладком мраморном полу.

– Можно помедленнее, – процедила я, как только мы вышли в коридор и направились к центральной лестнице.

– Мне велено доставить тебя к матери, этим я и занимаюсь.

– Что совершенно не мешает тебе быть хоть немного вежливее. Так не терпится от меня избавиться? Осталось совсем немного времени.

– Не болтай глупостей. Мне всё равно.

Я промолчала, мысленно фыркнув.

Конечно, всё равно. Леонард был истинным ванагорийским аристократом, а те отличались холодностью, надменностью и проклятой самоуверенностью. Просто удивительно, как Эйдан смог вырасти другим среди этого окружения. Мне помогла учёба в Высшей Академии Искрящих. Именно там мне показали уникальность каждого. Совсем неважно, из какой страны человек и какое место занимал в обществе, искра делала нас всех равными.

– Ты знал, что Архольд здесь? – неожиданно спросила я.

Лео затормозил, и я едва не упала от неожиданности, скользя на каблуках.

– Он с тобой связался? – безжалостно хватая меня за плечи и разворачивая, словно куклу, спросил брат.

– Вот еще. Я не видела его все эти годы. Мне только что сообщила об этом Мергери. И пусть, ты делаешь мне больно, – вскрикнула я, когда его пальцы особенно сильно впились в плечи, сжимая, а жгучий взгляд пробирал до самых костей. – Лео, прекрати, еще синяки останутся.

Брат некоторое время внимательно изучал меня холодными светло-голубыми глазами, а потом кивнул чему-то, и мы продолжили путь.

– Архольд участвует в обсуждении мирного договора, – произнёс он, когда мы стали подниматься на второй этаж по широкой лестнице, укрытой алым ковром ручной работы.

Родители никогда не экономили на блеске.

Дальше – прямо по коридору, в левое крыло, где была

еще одна более скромного вида лестница, ведущая на третий этаж, где и располагались мои отдельные покои.

– Почему мне не сказали?

– А разве это важно?

Снова проницательный взгляд в мою сторону, но я равнодушно пожала плечами.

– Нет. Но было бы неловко случайно встретиться с ним в столице.

От одной только мысли меня бросило в дрожь.

– Ты все дни была занята подготовкой к свадьбе. Встречи не будет ни сейчас, ни после. Эйдан не позволит.

Я снова чуть не споткнулась, прижимая свободную ладонь к груди.

– Он знает?

– Виконт знает, что Архольд доставал тебя во время учебы в Академии, и ты, помня о тех неприятностях, совершенно не хочешь его видеть. Разве это не так?

– Так.

Мы подошли к лестнице, где нас уже ждала матушка.

– Невеста доставлена в целостности и сохранности, – криво усмехнулся Леонардо и быстро зашагал обратно, даже не попрощавшись.

Я бросила в его спину злой взгляд, желая ему гореть в бездне или влюбиться. Вот бы посмотреть, как его будет мучить сердечная мука. Но всё было зря.

Такие, как Леонард Торнтон, не умели любить. Архольд

был такой же. Жаль, что я поняла это слишком поздно.

— Какая вы очаровательная пара, — щебетала матушка, провожая меня оставшийся путь в покои. — Эйдан так смотрел на тебя, дорогая. Уверена, что ты будешь счастлива. Он сделает тебя счастливой.

— Конечно, матушка. Я тоже не сомневаюсь в этом, — первой входя в личную гостиную, а затем и в спальню, произнесла я.

В углу уже горел камин, оранжевым светом освещая большую комнату и согревая своим первобытным теплом. И пусть дом согревался паровым котлом в подвале, я любила смотреть на огонь холодными вечерами, чувствуя некую родственность между нами.

— Кто бы мог подумать. Моя крошка выходит замуж, — матушка неловко сжимала в руке белоснежный платок с вышитой монограммой нашего рода и тяжело вздыхала. Её припудренные кудряшки золотистого цвета согласно подпрыгивали, обрамляя совершенное лицо с молочной кожей и светло-голубыми глазами. — Ведь только совсем недавно ты была таким очаровательным младенцем с ямочками на щеках и тёмными кудряшками.

— Самой не верится.

Я не спеша подошла к трюмо и принялась вытаскивать из причёски шпильки, украшенные крохотными жемчужинками. От них страшно зудела кожа. Для полного счастья мне бы избавиться еще от корсета, но шнуровка сзади, и придёт-

ся ждать Конни.

– Мама, вызовите, пожалуйста, горничную.

– Позже, – немного нервно ответила она, подходя к узкому высокому окну, стекло которого уже покрылось тонким слоем инея. – Нам надо поговорить.

Я взглянула на зеркало, находя в нём отражение матушки. Леди Торнтон повела плечами, будто ей стало холодно, хотя в спальне было тепло, и, отойдя от окна, села на софу, дрожащими пальцами расправляя золотистую юбку своего пышного платья. Она явно нервничала, разительно отличаясь от привычного образа идеальной леди, которой мы все привыкли её видеть.

– О чём? – спросила я у неё.

Найдя замок на тяжелом ожерелье из сапфиров и изумрудов, я сняла его с груди и положила в шкатулку. Туда же отправились серьги, которые порядочно оттянули мне уши.

– О завтрашнем дне. Точнее, ночи. Завтра ты станешь женой Эйдана.

И только сейчас я поняла, о чём именно собирается с духом поведать мне матушка.

– Я знаю, – потирая мочки ушей, ответила ей. – Если ты собираешься посвятить меня в вопросы исполнения супружеского долга, то не стоит. Я знаю, что происходит между мужем и женой за закрытыми дверями спальни.

– Знаешь? – побелела матушка. – Вы с виконтом Санроу?...

О, Великие, какую же глупость я только что произнесла и как двусмысленно она звучала. Раньше я себе такого не позволяла. Видимо, сказалась усталость и общая нервозность.

Пришлось срочно успокаивать родительницу. Я быстро подошла к софе и села рядом, бережно взяв женщину за руку.

– Матушка, я провела пять лет в Академии. А там проходили обучение самые разные люди, и обычаи у них были разными. Искра проявляется у всех, независимо от положения и статуса. Так что в особенности супружеской жизни меня посвятили. На словах.

Я не стала рассказывать ей о том, что Мергери, которая так понравилась ей при первом знакомстве, за эти годы успела сменить трёх любовников. А женщины из кочевых племён, которые блуждали по бескрайним Заорийским степям, считали невинность глупостью и стремились от неё избавиться, как только у них начинались «краски». Существовали даже специальные конкурсы для проведения обряда. Хунран, одна из таких девушек, рассказывала, что сама лично устанавливала правила – тот, кто сможет обогнать её, и станет первым мужчиной. А, надо сказать, для своего юного возраста бегала она очень быстро и с гордостью сообщила, что поддалась понравившемуся юноше из соседнего племени. Там среди степей на голой земле они и отпраздновали его победу. Кочевники поклонялись богу Вишу, и свадебных обрядов у них как таковых не было. Замужней женщина,

сменившая не один десяток любовников, становилась только когда рожала ребёнка. Тогда её беззаботная жизнь заканчивалась, и она входила в семью отца ребёнка. Если знала, кто он. Иногда отцом признавали её последнего мужчину.

А еще в Академии учились три девушки из Эмиратов Барху – это были несколько государств, расположенных на Южном полуострове, живущих крайне закрыто и обособленно. Климат там был суровый: песчаные дюны, небольшие клочки зелёной земли, скудные запасы пресной воды и невыносимая жара.

Девушки были очень красивые – худенькие, небольшого роста, смуглые, черноглазые, быстрые и неулыбчивые. Одежда на них была необычная, состоящая из многослойных тканей, и очень много драгоценностей, которые они носили не снимая. Я думала, что это сёстры, пока Мергери меня не просветила.

– Это жёны султана Сулейна.

– Жены? – переспросила я, по-новому смотря вслед убегающим девушкам, которые после занятий всегда стремились как можно быстрее скрыться за дверью своей комнаты. – Все три?

– У султана их около ста и еще шесть сотен наложниц.

– Шесть сотен? – подобное просто в голове не укладывалось. – Но они... Они же даже младше нас, – шепотом сообщила я.

– Одна из них уже родила ребёнка и очень переживает,

что вынуждена расстаться с малышом, хотя о нём в гареме заботятся.

– В гареме? Но это же дико!

– Они так не считают, – пожала плечами Мергери. – И очень любят своего господина. Тоскуют, вынужденные исполнять его волю и учиться здесь. Хотя сомневаюсь, что они продержатся больше года. Научатся справляться с искрой, освоят элементарные знания и уйдут назад.

Подруга оказалась права. Сразу после первого курса жены султана исчезли из Академии. Больше до конца обучения жительниц Барху не было.

– Это всё северянка, – уверено заявила матушка, вырывая меня из воспоминаний, и неодобрительно поджала тонкие губы. – Бесстыдница. Но чего еще ждать от этой дикарки.

– Вы не правы, Айола тут не причём.

– Она изгарка, а у них на севере такие ужасы творятся. Кто знает, что там происходит за неприступными Анагорскими горами.

– Что не делает её хуже других, – поднимаясь с софы, ответила я и вновь подошла к зеркалу, изучая отражение уставшей, но всё равно красивой девушки. – Айола с младенчества обручена светским манерам и оставалась верна жениху все эти годы.

– Глупости. Для них это ничего не значит. Дикари, что с них взять.

Но я знала, что это не так. И помнила, как год назад по-

друга плакала, получив письмо из дома, в котором говорилось, что её жених отправился на служение в специализированный отряд, который охотился на гуи.

Гуи – это человекоподобные существа под два метра ростом, мощные, с огромными лапами и покрытые жесткой белой шерстью, которая оберегала их от суровых морозов. Голова была маленькой, приплюснутой, а рот полон острых зубов, которые играючи рвали горло жертве. В Академии было чучело этого существа, и оно производило воистину ужасающее впечатление.

Гуи были людоедами, которые спускались с Северных гор и периодически нападали на селенья княжества. Служба в отряде была опасна, но очень высоко оплачивалась. Именно поэтому юноша и согласился на эту авантюру, мечтая обеспечить любимую всем необходимым.

– Я очень устала. Завтра рано вставать, – произнесла, не желая больше слышать несправедливые обвинения в адрес лучшей подруги.

– Да, милая, ты права, – матушка встала и направилась к выходу. – Я пришлю Конни. Тебе надо отдохнуть. Спокойной ночи, дорогая.

– Спокойной, – я села на пуфик и устало вздохнула.

Неужели этот день подошёл к концу?

Конни пришла через пару минут. Девушка помогла снять платье, расшнуровала корсет, давая мне вдохнуть полной грудью, едва не теряя сознание от такого количества свеже-

го воздуха, разобрала сложную причёску, позволяя волосам тяжелой волной упасть на спину и плечи, и набрала воды для купания.

– Ванная готова, госпожа, – поклонившись, произнесла она.

– Спасибо.

Горячая ванна, от которой даже поднимался легкий дымок, с ароматной пышной пеной и озорными пузырьками манила. Шелковый халатик, скользнув вниз невесомым облаком, упал на пол, что был отделан белым мрамором с розовыми и серыми прожилками. С блаженным вздохом я забралась в воду, вздрагивая, когда она приятно обожгла чувствительную кожу. Расслабилась, откинула голову на бортик, закрывая глаза.

Защипали и заныли мышцы, напоминая о сложном дне. Болезненно зудели пальцы на ногах, стянутые неудобными, но красивыми туфлями, и еще очень хотелось спать.

Вода мелодично плескалась от малейшего движения, лаская кожу и даря необходимый покой уставшему телу. Сладкие ароматы масел щекотали нос и вызывали блаженную улыбку на губах.

Кажется, я даже немного задремала, наслаждаясь долгожданным покоем, когда в ванную комнату с мягкими пушистыми полотенцами и тёплым халатом вошла Конни.

– Госпожа, вам пора вставать.

– Спасибо, Конни, – я, ничуть не смущаясь собственной

наготы, поднялась и осторожно ступила на пол, застывая и давая девушке возможность стереть с меня капли влаги.

Мы вернулись в комнату. Я привычно села на пуфик, лениво наблюдая в зеркале, как служанка умело расчёсывает мои волосы, и думала о том, что сегодня последняя ночь в этой спальне. Уже завтра всё изменится, и я стану виконтессой Санроу.

Хотела ли я этого? Да.

Странный блеск привлек моё внимание.

– Конни, – я встретила в отражении с взглядом девушки. – А что там стоит на туалетном столике? Я не вижу.

– Ох, это, госпожа, – девушка радостно улыбнулась, отложила расчёску в сторону и бросилась к столику. – Это ваш подарок. Принесли только что. Вы только взгляните, какая прелесть.

Я видела. И чем ближе она подходила, тем бледнее становилась, раскрыв рот и пытаясь вдохнуть, будто рыба, выброшенная на берег.

Не может этого быть. Не может. Но глаза не обманывали.

Это была веточка жасмина. Искусно выполненная из драгоценных камней, золота и серебра веточка жасмина. Зелёный нефрит, кахолонг и прозрачный кварц. Она выглядела как настоящая. Даже лучше. Эта неправильность и искусственность приковывала взгляд, заставляла любоваться снова и снова. От нетерпения так хотелось коснуться её, провести пальцами, ощущая прохладу и гладкость камня, даже зу-

дели подушечки пальцев. Никогда не видела столь искусной работы.

— Тут и записка для вас есть, — подходя ближе, произнесла Конни и протянула мне чёрную карточку с золотистым теснением.

А у меня не было сил отвести взгляд от веточки жасмина, которая красиво блестела в свете камина. Прошло несколько секунд, прежде чем я смогла опустить взгляд и прочитать:

«Удачи, Сэм!»

Всего два слова, но мне стало страшно, а сердце сжалось от гнева, боли и предчувствия надвигающейся беды.

Дерек Корвил! Будь ты проклят! Ты всё-таки не забыл и нашел, чем меня достать!

Глава вторая. В Храме Великих

Селина

Несмотря на неожиданный подарок, надвигающуюся истерику и общее плохое самочувствие, уснула я довольно быстро. Только голова коснулась мягкой подушки, наволочки которой ненавязчиво пахли лавандой, как глаза закрылись сами собой, и я провалилась в крепкий сон.

Вопреки ожиданиям и тревогам, мне совершенно ничего не приснилось. Я не блуждала по длинным коридорам Академии, выискивая то, что на самом деле никогда мне не принадлежало; не бродила по огромным садам, задыхаясь от густого и навязчивого аромата цветущего жасмина; не рыдала в жалкой комнатёнке постоялого двора под пристальным и злым взглядом Леонарда. Всё это было в прошлом, забыто и надёжно похоронено. Просто темнота, которая поглотила разум, давая мне возможность отдохнуть и прийти в себя без лишних тревог и забот.

Закрывая глаза, я видела темноту осенней ночи. Лишь угли камина тлели, и периодически едва слышно трещали дрова. А когда открыла, то всё было таким же. Картинка совершенно не изменилась. Такое ощущение, что я вообще не ложилась, и общее самочувствие было соответствующим.

– Доброе утро, госпожа, уже пора вставать, – тихо произнесла Конни, которая продолжала касаться моего плеча.

– Уже? – прошептала я хриплым ото сна голосом и села в кровати, потирая глаза кулаками и стараясь сдержать рвущийся зев.

Никогда не вставала так рано. Но уснуть уже не смогла бы, даже если бы захотела.

Этот день пришёл.

А дальше всё завертелось так быстро, что у меня не было времени подумать о веточке жасмина в своей спальне и о том, чем это может закончиться.

«Какая разница, – думала я. – Он ничего не сможет сделать, просто издевается. Дерек всегда любил надо мной издеваться и теперь поступил так же. Всё в прошлом и забыто».

Сначала была ванна. На этот раз вода была едва тёплая, совсем как в прохладных водах озера Гароу, расположенного в Нарговии совсем недалеко от академии Искрящих. По преданию, именно там совершили первое омовение Великие Отец и Мать.

Я вздрогнула, когда нежная кожа, еще теплая после мягкой постели, окунулась в прохладную воду. Но всё равно заставила себя сесть, обхватив плечи руками, склоняя голову и отчаянно кусая губы, чтобы не дрожать. В комнате пахло специальными маслами и благовониями. Запах был тяжелым и даже резким. От него кружилась голова и хотелось чихать. Но всё желание пропало, когда Конни начала медленно лить из ковша воду на мою голову.

На мгновение даже дыхание перехватило от холода, а зу-

бы лязгнули в тишине. Я сжалась еще сильнее и впилась ногтями в кожу на предплечьях.

«Так надо... надо... надо. Небольшое испытание перед грядущим».

Ковшей было ровно три.

После этого Конни сразу помогла мне выбраться, укутывая в тёплый халат и вручая небольшой стаканчик с кильяром (прим. автора: кильяр – священное вино, которое даётся новобрачным и прихожанам во время служб в храмах Великих. На большей части Киа (название мира) исповедовали троебожие: Отец – защитник, воин и учитель; Мать – жизнь и смерть, любовь и ненависть, счастье и горе; и Сын – шут, плут и насмешник, который любил играть жизнью других. Также они символизировали собой небо и солнце, землю и воду, легкий ветер между ними).

Горькая настойка обожгла гортань и вызвала неконтролируемый кашель. Да такой сильный, что у меня выступили слёзы на глазах. Зато сразу стало тепло, и я забыла о холодной ванне.

Короткий отдых, и пришла очередь причёски. Волосы оставались мокрыми, когда Конни заплела их в толстую косу, украшая жемчужными нитями, и надела на голову золотой обруч со священными письменами.

Когда с этим было покончено, в покои, предварительно постучав, вошла специально нанятая хамиби – дородная женщина с удивительно тонкими пальцами. Мисс Понс бы-

ла самой лучшей в столице свадебной художницей. Именно ей предстояло тоненькой кисточкой очень аккуратно нарисовать специальной хамой (*прим. автора: хама – краска из высушенных листьев лавсонии. Рисунок держится до трёх недель и, в зависимости от добавок, обладает различными оттенками, от светло-оранжевого до тёмно-красного и чёрного*), на моих висках «узор невесты» – священные цветы и завитки, которые ленточкой соединялись на лбу и опускались к переносице затейливой капелькой.

Говорят, столетия назад узорами из хамы покрывали всё лицо невесты, делая его похожим на уродливую маску, чтобы злые духи не могли украсть её красоту и сглазить будущую счастливую жизнь с мужем. Сейчас украшались лишь виски. А также раньше девушки проходили первый свадебный обряд совершенно обнаженными. Лишь длинная ниточка речных жемчужин украшала их тело и венок из ярких дурмящих полевых цветов на голове.

Матушка называла это дикостью и тут же требовала принести нюхательные соли.

– Сейчас всё намного пристойнее. И слава Великим, – бормотала она, обмахиваясь веером. – Это же чудовищно. Без одежды, с какими-то бусиками. Ужасно. Варварство.

Моя одежда на это утро тоже была необычной и даже провокационной. Во-первых, никакого белья. Совсем. Ни сорочки, даже самой легкой из фреольского шелка, славящегося своей красотой и невесомостью, ни тем более панталон.

Только я.

Лиф платья красивого молочного цвета, украшенный тонким кружевом и крохотными жемчужинками, плотно облегал грудь. Прозрачное кружево тонкими полосками поднималось вверх ажурными лямками. Прямо от груди платье мягкими складками опускалось вниз до самого пола. Ни корсета, ни подъюбника – ничего. Я каждой клеточкой ощущала мягкость ткани и осознавала свою обнаженность и незащищенность. Знали об этом и остальные. Я даже представить боялась реакцию Эйдана. Боялась и в то же время предвкушала.

Завершали образ легкие туфельки без каблуков из белой кожи, украшенные искусственными цветами. Они были нужны мне лишь для того, чтобы добраться до храма и потом выйти оттуда. В священный сад входили без обуви.

– Вот и всё, госпожа, – прошептала Конни, застёгивая последнюю крохотную пуговичку за спиной. – Вы такая красивая.

– Спасибо.

Я смотрела на себя в зеркало и не узнавала.

– Нам пора идти, – прошептала девушка, подавая длинную, до пят, белую шубку с широким воротником, которая должна была скрыть меня от любопытных глаз.

Тоже дань традициям предков. Сомневаюсь, что в такую рань и темноту, когда до восхода оставалось еще больше часа, кто-то может разглядеть моё лицо.

Дом спал, и мы с Конни смогли беспрепятственно выйти на улицу через чёрный вход. Карета ждала нас у самого порога, но я всё равно успела замерзнуть. Или эта дрожь по телу была не от холода, а от предвкушения и ожидания.

Сказать сложно.

В карете меня уже ждали матушка и Леонард. Отец решил не ехать, сославшись на гостей, которых было необходимо развлекать. Но знала, что ему было просто незачем и неинтересно отправлять дочь в путь. Свой отцовский долг лорд Честей Торнтон выполнил, найдя мне хорошего жениха и обеспечив богатым приданым. Матушка, наверное, тоже бы осталась дома. Она очень не любила ранние подъемы, но её присутствие было обязательно. А Лео... Старший брат просто был, и причины его поступков знал лишь он сам.

– Вот и ты, дорогая, – улыбнулась родительница, хватая за руки, стоило мне сесть в карету и поудобнее расположиться в мягком кресле, положив ноги на укрытые горячие кирпичи, которые поставили специально для нас. – Волнуешься?

– Немного, – призналась я.

– Ничего. Сейчас пройдем первую церемонию в храме, получим благословение богов и вернемся домой. Тогда и начнется самый главный праздник, на котором ты будешь блистать.

– Да, я знаю, – ответила ей, совершенно никак не отреагировав на восторженные нотки в голосе матери и мечтательно заблестевшие глаза, и выглянула в окно.

Мимо нас проплывали лишённые листьев деревья. Киа готовилась к зиме, а природа к спячке.

Путь от нашего загородного поместья до главного столичного храма, расположенного на самой верхней точке столицы – крутом склоне, на вершине которого была еще резиденция королевской семьи, – занял приблизительно минут сорок. Уже светало, и я спокойно смогла взобраться по скользким от инея ступенькам, не рискуя при этом сломать себе шею.

В храм было три входа. Первый – самый главный, с широкой лестницей и высокими ступеньками, им ежедневно пользовались граждане, которые искали здесь покой, утешение или помощь у Богов. А по бокам было еще две не такие приметные двери, с восточной и западной стороны. Для невесты и жениха.

– Великие с нами, – прошептала я, почтительно склонив голову перед жрецом, который встречал нас у восточных дверей.

Невысокий седовласый мужчина с длинной окладистой бородой и в просторных одеяниях насыщенного желтого цвета с зелёной каймой кивнул в ответ, отвечая:

– Отныне и вовек. Здравствуй, дитя.

Я ступила ближе, беря его морщинистую руку и прислоняя к своему лбу, склонившись при этом в низком поклоне.

– Я пришла просить богов о милости одобрить союз двух любящих сердец.

– Боги услышат твои молитвы, идём, дитя.

Здесь было темно, лишь тусклые факелы на каменных стенах освещали наш путь вниз, в самое сердце древнего храма. Матушка и брат остались ждать нас на первом этаже. Им путь сюда был воспрещён. А я шла вслед за жрецом, неотрывно смотря на его ровную спину, и старалась не думать о том, что всё это уже когда-то было.

Не у всех хватало денег и средств на главный храм. Для бедняков всё было не так пафосно и красиво. Совсем не так. Пред глазами всплыло деревянное корыто с прозрачной водой, две перекрещенные веточки священного дерева и солнечный лучик, который озорно блестел на пожелтевшей от времени ленте на запястьях.

Старец остановился у огромных створчатых дверей и пристально взглянул на меня:

– Готова ли ты, дитя?

– Да, – прошептала я и затаила дыхание.

Пути назад не было.

Двери медленно распахнулись перед нами, открывая землю небывалой красоты. Священная обитель Великих.

Напротив одновременно с нашими плавно открылись точно такие же двери, впуская внутрь круга Эйдана. Но я не видела этого, полностью сосредоточившись на появившемся передо мной кусочке вечного лета.

Здесь волей Великих всегда было тепло и по-летнему уютно, а также немного влажно. Мягкий зелёный мох устилал

поверхность ярким ковром, озорно звенел ручеёк, протекающий через всю поляну и теряющийся в корнях могучего дерева с раскидистой густой листвой. Всюду, куда ни падал взгляд, цвели цветы, наполняя воздух приятным ароматом. Некоторые растения были особенными и встречались только в главных храмах по всей Киа. Например, светящийся в темноте голубой карбунук. Именно его тяжелые круглые соцветия вместе со стайкой озорных светлячков, кружившихся в воздухе, освещали небольшое помещение приглушенными светло-желтыми огоньками.

Именно на этой поляне как нигде больше чувствовалось присутствие великих, каменные статуи которых стояли рядышком у стены. Суровый Отец с огромной секирой на плече упирался другой рукой о рукоять меча, который висел у него на привязи. Короткая борода лопатой, густые брови и пронзительный предупреждающий взгляд. Защитник и настоящий воин.

Рядом Богиня-мать, красивая девушка или женщина. Понять было трудно, почти невозможно. Её густые волосы были прикрыты легким покровом. Простое платье перетянута обычным ремешком из ракушек, на груди длинная нитка из речного жемчуга. Лицо вроде девичье, юное и такое красивое, а взгляд мудрый, горький и даже жесткий. Губы сложены в легкую полуулыбку, но осознание тревоги не уходит. Жизнь или смерть? Любовь или боль? Что прячется за божественной волей этой вечной девы, матери всего сущего?

И последний по очереди, но никак не по значению и величию – Сын. Узколицый, с острым подбородком и тонкими губами, над которыми располагались небольшие усы. Улыбка кривая, а взгляд такой хитрый, что сердце замирало от тревоги. Шутник, озорник и главный насмешник нашего мира. Любитель развлечься за счёт неприятностей других. Но, с другой стороны, мудрый, сильный и помощник отличный, поддерживающий науку, развитие и стремление расти. Если Отец и Мать были за спокойствие, устойчивость и стабильность, то Сын всегда подгонял нас, простых жителей Киа, заставлял напрягаться и находить пути решения. Именно Сын дал некоторым из нас искру.

Прерывисто вздохнув, я скинула на пол шубку, затем туфельки.

Сложив по прямой раскрытые ладони одна на другой, соединив их в запястьях, при этом левая от сердца сверху, я сделала первый шаг, ощущая босыми ступнями влажную мягкость мха, который приятно пощекотал кожу. Потом еще один – по импровизированной дорожке, которая довольно быстро закончилась, переходя в неглубокий ручеек с кристально чистой водой. Не глядя и не медля ни мгновения, я ступила в воду. Какой же теплой и ласковой она была, а камешки на дне такие твёрдые и гладкие. Снующие туда-сюда крохотные красные рыбки, чешуя которых блестела в свете карбунука, не боясь касались наших ног. Намокший подол приятно утяжелял платье, всплывая на поверхности и окру-

жая меня, будто облако. Здесь было неглубоко, вода не поднялась даже до колен.

Наши две дорожки ручейка сошлись у самого дерева, позволив впервые разглядеть друг друга в сонном сумраке утра. На Эйдане были свободные светлые штаны и легкая молочного цвета длинная рубаха с рукавами. На вид обычная, если бы не пуговицы из драгоценных камней. Светлые волосы немного растрёпаны, что придавало молодому мужчине шарма.

Я видела, как загорелись его глаза, когда жених оглядел меня с ног до головы, и улыбнулась в ответ, протягивая Эйдану левую руку.

На душе было так легко, как никогда. Сами Боги спустились с небес, чтобы приветствовать нас.

Так, плечом к плечу, держась за руки, мы и предстали перед нависающим над ручейком алтарём, который находился прямо под деревом. Алтарь представлял собой огромную плиту из цельного серого камня с белыми вкраплениями и чёрно-зелёными прожилками, на верхней части которого были выбиты священные письмена и стоял большой золоченый кубок, украшенный крупными рубинами. Рядом лежала белоснежная шелковая лента и круглый каравай, от которого вкусно пахло свежей выпечкой.

Дерево тоже было необычным и состояло из двух стволов, которые самым причудливым образом переплелись между собой, пытаясь стать единым целым. И соединялись они так

плотно, что между ними был только один – совсем небольшой – просвет. Через него в строго определённое время, как раз на рассвете, когда озарялся оранжевым цветом шпиль храма, с помощью специально установленных зеркал появлялся первый лучик солнца, который должен был осветить нас.

Пальцы Эйдана сильнее сжали мою руку, успокаивая и приободряя, и я бросила на него осторожный взгляд.

Внутри что-то дрогнуло, предупреждая, что не всё так просто.

– Селина Энн Маргарет и Риган Эйдан Фокс, – торжественно провозгласил жрец, подходя к алтарю и с улыбкой смотря на нас. – Два создания света, два отрока, решившихся на самый важный шаг в их жизни. Шаг в будущее. Светлое и общее.

До восхода солнца осталось немного.

Жрец, возведя руки вверх, нараспев читал молитву на древнем языке. Его голос был красивым, певучим, но я никак не могла сосредоточиться.

Прикусила губу от досады на себя, мысленно взывая к Великим, которые каменными истуканами молча взирали на нас:

«Пусть всё будет хорошо. Пусть всё случится. Молю вас...»

Взывала, а сама видела перед собой чёрные как ночь глаза и кривую ухмылку на чётко очерченных губах.

«Ну же, Сэм. Я же рядом. Доверься мне».

Сердце будто пропустило удар.

Поджав губы, я едва заметно качнула головой, пытаюсь прогнать непрошенные мысли и воспоминания. Только не сейчас.

И неправда всё это.

Забыть, вычеркнуть из памяти. Похоронить на осколках прошлой жизни.

Вздрогнула, почувствовав знакомый аромат жасмина, и, подняв взгляд, неловко осмотрела глазами сад. Здесь есть жасмин? Конечно, есть, иначе я бы не чувствовала его навязчивый, удушающий аромат.

Или причина в другом?

Великие, зачем вы так? Хотите проверить меня? Не надо. Я люблю Эйдана и хочу стать его женой. Действительно хочу.

Губы пересохли от волнения, и я неловко облизала их кончиком языка.

– Всё будет хорошо, Селина, – едва слышно прошептал Эйдан, по-своему поняв моё волнение.

Кивнула и закрыла глаза, призывая себя успокоиться и перестать нервничать. Это всего лишь первый обряд. Вот получим одобрение Великих и вернёмся домой продолжать праздник.

Жрец открыл глаза и взглянул на нас сияющими ярко-голубыми очами, при этом медленно опуская руки.

– Уже скоро рассвет. Рассвет вашей новой жизни, дети

мои, – провозгласил старец, беря с алтаря шелковую ленту.

Мы шагнули вперёд, всколыхнув воду в ручейке, протягивая к жрецу соединенные руки, запястья которых он крепко связал, как и наши судьбы.

– Будь опорой мужу своему, сохрани очаг в тепле и свете, подари детей крепких и сильных, – касаясь моего лба большим пальцем, провозгласил жрец, а затем он таким же образом коснулся лба Эйдана. – Будь силой, защитой и стеной для жены и детей своих. Оберегай от всех напастей. И храните верность друг другу, дети. В этом сила и мощь ваша и ваших потомков.

– Да, Великие, – одновременно произнесли мы.

– Разделите эту пищу между собой, как разделите жизнь. Чтобы была она полной чашей и сытным достатком.

Жрец взял в руки кубок и уже собирался протянуть его Эйдану – как мужчине и главе нашего дома, когда внезапно остановился, опустил взгляд и внимательно изучая содержимое сосуда.

Его глаза сузились, словно он не понимал, что происходит.

Со своего места я видела, как когда-то чистая вода окрасилась в яркий красный цвет, став похожей на кровь.

– В чём дело, отец? – нетерпеливо спросил Эйдан, пока я пыталась сделать вдох, раскрывая рот, как рыба.

– Великие сердятся.

– Сердятся? За что?

«Нет, нет, пожалуйста. Только не это. Не может этого быть. Ведь всё в прошлом. Я искупила свой грех!»

— Дети мои, — жрец поставил кубок на место и обвёл нас грозным взглядом. — Ваш союз не может быть совершен и одобрен Великими.

Кровь загудела в ушах, оглушая, вызывая мутную дымку из непролитых слёз перед глазами, затуманивая разум.

— Почему?

— Один из вас уже состоит в законном брачном союзе.

Тихий вскрик разорвал тишину. Мой вскрик.

Неверия, боли и отчаянья.

«Не может быть. Неправда!»

Я никогда не падала в обморок. Даже в самые сложные ситуации и тяжелые моменты своей жизни всегда находила силы бороться и держаться до конца.

Никогда до этого времени. Слишком близко я была к черте, слишком надеялась на благополучный исход.

Всего одна фраза, и земля ушла из-под ног. Я стала медленно оседать прямо в воду и непременно упала бы, не успей Эйдан меня подхватить.

Последнее, что я видела, прежде чем потерять сознание, — удивление и боль в светло-голубых, как небо, глазах.

Пришла я в себя довольно быстро. По крайней мере, мне так показалось. Открыла глаза, уставившись в высокий каменный потолок, освещённый восходящим солнцем. Вдохнула, ощущая, как болит спина от лежания на твёрдой узкой

лавке, и окончательно очнулась, прогоняя туман небытия.

Одна. В пустой небольшой комнате я была совсем одна.

Осторожно села, опираясь о гладкую поверхность своего импровизированного ложа, потеряв свободной рукой ноющие виски.

Стало прохладно.

Белоснежная шубка, которой кто-то заботливо укрыл меня, сползла вниз, обнажая голые плечики. Туфельки стояли под лавкой.

Тут о себе напомнил мокрый подол платья, который прилип к ногам. Кожа покрылась мурашками и болезненно заныла от холода. Окончательно выпрямляясь, я поджала колени и принялась растирать озябшие ступни. После церемонии я должна была переодеться, надев тёплые чулки и шерстяное платье. Всё это осталось у матушки.

Память никуда не делась, услужливо подсовывая картинку на священной поляне и страшные слова жреца:

– Один из вас уже состоит в законном брачном союзе... законном брачном союзе... союзе...

Внутри всё вспыхнуло от боли и гнева. Мне пришлось сжать зубы, чтобы не закричать.

Как? Почему? И этого не может быть. Брака больше нет. И не было. Разве можно считать священным союзом ошибку, которая длилась всего пару часов? Мне лишь надо найти жреца и всё объяснить ему и Эйдану.

Как воспримет новость жених, я старалась не думать. Он

поймет. Любит и поймёт, и всё будет хорошо. Обязательно.

Кое-как обув туфельки, я набросила на плечи шубку, дрожа от холода, и вышла из неудобной комнаты, почти сразу застыв, не зная, куда идти дальше. Коридор был узким и совсем не гостеприимным.

Никогда не бывала здесь. Видимо, это жилая зона храма, где обитают жрецы и послушники. Впереди была узкая полоска света, туда-то я и направилась.

Великие ошиблись. Или жрец что-то не так понял. Нам сказали, что всё улажено, что исправлено.

Или солгали?

Ноги задрожали, и мне пришлось опереться о стенку, чтобы не упасть.

Неужели солгали? Этого не может быть. Ведь правда в любом случае открылась. Зачем так жестоко. За что?

«Спокойно, Селина, спокойно. Всё ещё можно исправить».

Послышались голоса из-за приоткрытой двери, у которой я и остановилась, вздрагивая каждый раз, когда мокрая ткань касалась ног. Надо было войти, сказать, что со мной всё хорошо, но я отчего-то медлила.

Может, это трусость, а может, и осторожность. Меня будто чья-то рука не пускала.

– Великие дали очень чёткий ответ, – раздался спокойный голос главного жреца. – Один из молодых людей уже состоит в священном союзе, и соединить этих двоих я не могу.

Неправильно это.

– Неправда! – упрямо произнёс Эйдан, и я прижала руку к губам, едва сглатывая подступающий к горлу ком. – Я не состою в браке и никогда не состоял. Как и Селина. Великие, какой союз, если она до сих пор невинна? Это доказано.

Я вздрогнула, убирая руку от лица и касаясь шероховатой поверхности стены.

О да, я отлично помнила ту унижительную процедуру, которую меня заставила пройти будущая свекровь месяц назад. Леди Франсина хотела убедиться в целомудренности будущей невестки и прислала своего личного врача для осмотра. Меня до сих пор бросало в дрожь, когда я вспоминала этого лысого старичка, который касался меня своими холодными пальцами и рассматривал пустыми светло-голубыми глазами, напоминающими кусочки льда.

Я потом долго отмокала в горячей ванне, обхватив колени руками, и всё никак не могла согреться.

– Эйдан, – слабо возразила матушка, и я напряглась, вслушиваясь в разговор. – Селина действительно невинна. Мы не лгали, и ваш доктор лично её осматривал. Но четыре года назад случилась одна история. Очень неприятная история. Мы скрывали её от всех. Такой стыд. Позор на нашу семью. Но ты должен понять, Селине тогда было всего семнадцать.

Уже восемнадцать, восемнадцать лет и пару дней, и я была уверена, что поступаю верно.

– Мама, хватит! – резко произнёс Леонард, и я вздрогну-

ла, меняя положение и прижимаясь к ледяной стене спиной, будто стремясь с ней слиться. – Не лебезите. Давайте говорить, как оно есть, без всяких увёрток!

– Какая история? Что произошло? – спросил Эйдан.

Голос жениха был глухим и невыразительным. Как же ему больно, и виновата во всём только я.

«Прости меня, если можешь, прости».

Ему ответил Лео:

– Четыре года назад Селина стала жертвой расчётливого интригана и мерзавца, который запудрил её голову, сбил с пути и уговорил бежать. Отказаться от семьи, родных и страны. Уговорил стать его женой.

Каждое слово больно било по сердцу, увеличивая чувство вины до невозможных высот.

– Этого не может быть. Селина никогда...

– Селина молчала, виконт. Нам удалось вовремя выдержать её из лап этого мерзавца и вернуть домой. Брак был признан недействительным.

– Видимо, не совсем, если Великие до сих пор считают её замужней, – вставил жрец, на которого крики Леонарда не произвели совершенно никакого впечатления.

– Нас убедили, что обряд не был завершён. Всего лишь первая часть. Что Селина свободна, – всхлипнула матушка. – Все эти годы мы были уверены, что так и есть. Великие, какой скандал. Какой скандал! Этого не удастся скрыть или замять. Как же теперь быть? Наше имя смешают с грязью, рас-

топчут, будут глумиться. Отец этого не переживёт. Я этого не переживу! У меня слабое сердце.

– Кто он? – хрипло спросил Эйдан. – Кто этот мерзавец?

– Это неважно, – попытался уйти от ответа брат.

– Еще как важно. Я хочу знать. Я имею на это право!

– Леонард, – произнесла матушка. – Смысла лгать уже нет.

Правда открылась.

Брат замялся. Прошло несколько секунд, прежде чем он ответил:

– Дерек Корвил. Герцог Архольд.

Архольд. Я зажмурилась, вспомнив веточку жасмина и записку.

«Удачи, Сэм!»

Теперь эти два слова виделись в совершенно ином свете. Я едва не задохнулась от правды, которая обрушилась на меня подобно урагану.

Он знал! О Великие! Архольд знал, что мы еще женаты! Знал и именно поэтому решил поиздеваться надо мной таким жестоким и извращенным способом!

Забытая ненависть, которую я, казалось, похоронила с воспоминаниями о тех днях, вновь возникла у сердца, скрутившись змеиным клубком, отравляющим сознание, путающим мысли.

Решение было принято в одно мгновение, и времени на раздумья у меня не было. Еще немного, и они вспомнят о моём существовании, и тогда ничего не выйдет. А я должна

была это сделать. Обязана.

Бросив последний взгляд на дверь, я подхватила подол платья и на цыпочках, стараясь не шуметь, прокралась мимо двери к выходу, который был совсем недалеко.

Выбраться из храма не составило труда. Надев капюшон и застегнув все пуговицы на шубке, я, опустив взгляд, быстрым шагом прошла через главный зал, маневрируя между людьми и никак не реагируя на шепотки, которые неслись мне вслед. Рано, они пока ничего не знают о моём падении.

Карета стояла на том же самом месте, и а конюх терпеливо ждал нас, сидя на козлах.

Керита я знала с детства. Сын главного конюха, он был со мной всё детство. Симпатичный, щуплый и щербатый парнишка, который пугал меня лягушками и приносил из леса полные горсти сладкой дикой малины, за пять лет, что я была в Академии, превратился в крепкого и плечистого мужчину, по которому вздыхало большинство наших служанок. А сам он неожиданно положил глаз на Конни. Мне кажется, всё дело было в том, что моя горничная наотрез отказывалась гулять с ним допоздна и осматривать сеновал, как остальные. Как бы то ни было, летом Керит попросил у меня разрешения ухаживать за девушкой. Я согласилась, хотя было жаль отпускать Конни. Но и разлучить их, забрав горничную с собой в особняк мужа, я не могла. Мне так хотелось сделать всех счастливыми.

– Госпожа, – удивленно вскрикнул молодой мужчина,

спрыгивая вниз и открывая передо мной дверь кареты. – Что-то случилось? А где лорд Леонард и миледи?

– Керит, мне нужна твоя помощь, – я схватила его за руку, заглядывая в глаза.

Внушать ничего не пыталась, просто моля о помощи.

– Я завсегда, вы же знаете.

– Знаю, – улыбнулась ему. – Надо, чтобы ты кое-куда меня отвёз. Прямо сейчас.

На его лице отразилось сомнение.

– Госпожа, – пробормотал он. – А как же ваш брат и матушка?

– Это очень важно, – и улыбнулась.

Не хотелось использовать искру. Очень не хотелось. Я помнила о последствиях, но сейчас была в таком состоянии, что готова была совершить глупость.

– Хорошо, – сдался Керит и помог мне сесть внутрь.

Первым делом, сев в карету, я положила ноги на кирпичи, но бесполезно, они уже остыли.

– Ничего, – убеждала я себя. – Тут недалеко. Не замёрзну.

– Куда едем? – выкрикнул Керит, взобравшись на место и беря вожжи.

– На Таргор-роу, – крикнула в ответ. – Там такой особняк с зелёными колоннами. Нам нужно туда.

«Спасибо, Мергери, за рассказ».

– Понял.

У меня было около десяти минут, чтобы успокоиться и

попытаться выбрать манеру поведения. Вариант впиться ему в волосы или дать пощечину, и даже не одну, отметался сразу. Архольд мог дать сдачи.

Надо сначала попытаться начать мирный разговор. В конце концов, если это правда и мы до сих пор женаты, то надо что-то делать.

– Приехали, госпожа Селина, – открывая передо мной дверцу, произнёс Керит.

– Спасибо.

Особняк действительно выглядел ужасно помпезно и безвкусно. Эти зелёные колонны придавали ему громоздкость и совершенно не украшали.

– Жди меня здесь. Я ненадолго, – произнесла я, ступая на землю.

– Но разве можно вам туда одной? Я слышал, что этот дом снял сангорианский герцог.

– Можно, – грустно улыбнулась я. – Мне можно.

Подол платья от мороза замёрз и затвердел, делая каждый шаг неудобным и невыносимо трудным, тонкие туфельки промокли, и в горле уже начало першить. Еще немного, нос покраснеет и появятся сопли. Но я почти не обращала внимания на неудобства. Меня гнали вперёд ненависть и злость.

– Госпожа? – дворецкий, лысоватый пожилой мужчина с шикарными пышными усами и бакенбардами, удивленно на меня уставился, придерживая входную дверь рукой. – Я могу

вам помочь?

– Да. Мне нужен герцог Архольд.

– Герцог не принимает. Мне очень жаль.

– Меня примет.

– И как вас представить?

Моей улыбке позавидовал бы и гуи.

– Жена, – ласково-зловеще пропела в ответ, отодвигая опешившего мужчину в сторону и входя в дом.

Терять уже было нечего.

– Чья? – всё ещё никак не мог понять дворецкий.

– Его. Хозяина вашего. Передайте герцогу, что его хочет видеть законная супруга. И прямо сейчас!

Глава третья. Тени прошлого, проблемы настоящего

Селина

У меня была всего пара минут на то, чтобы прийти в себя и настроиться на предстоящую встречу и разговор с человеком, которого ненавидела всем сердцем и когда-то любила. Так любила, что забыла об осторожности, правилах и поверила красивым словам, не разглядев за блестящим фасадом чёрствого сердца, не способного любить.

Мы не виделись с Дерекком четыре года.

А такое чувство, что это было только вчера.

Душный воздух жаркого июньского солнца, который горел на губах, растрепанная коса, пряди волос которой лезли в лицо, щекоча кожу. Поцелуй – жаркий, голодный и такой короткий. Потому что оба отлично знали, что еще секунда, и остановиться мы уже не сможем. Под ладонью – стук чужого сердца, которое билось так громко, в унисон с моим, и хриплый шепот у уха.

«Я вернусь, Сэм», – произнёс он с улыбкой, прежде чем уйти, оставив одну в маленькой мансардной комнатке на грязном постоялом дворе.

Не вернулся.

Вместо него пришёл Леонард, который, не щадя чувств,

рассказал горькую правду и предоставил веские доказательства чужого предательства и моей слепоты.

Я сжала кулаки, прогоняя подступающие слёзы. Как же тогда было больно, но удалось пережить это. Выдержу и сейчас.

– Герцог Архольд примет вас, миледи, – вернувшись, сообщил дворецкий. – Прошу за мной.

Удивление уже прошло, и пожилой мужчина смерил меня спокойным взглядом, явно присматриваясь как к потенциальной хозяйке. Надо же, а я, оказывается, герцогиня.

Горькая улыбка на губах и отрицание в душе.

Кивнув, я схватила подол платья и прошла следом вглубь особняка, слишком взволнованная, чтобы смотреть по сторонам. Каблуков на туфельках не было, но всё равно наши шаги гулко отзывались в пустом коридоре. Даже слуг не было. Всё словно вымерло или застыло перед встречей.

«Какой он сейчас? Изменился ли? Стал другим? И что будет, когда мы встретимся? Отзовётся ли что-нибудь в груди?»

Бесшумно открылась одна из дверей, и я, не медля ни секунды, сделала первый шаг.

Мергери вчера сказала, что Дерек возмужал, вырос и еще больше похорошел, став настоящим мужчиной. Не знаю, я ничего подобного не заметила. Молодой человек и раньше был хорош собой, а сейчас, в свои двадцать шесть, полностью утратил юношеское очарование, распрощавшись с пе-

лёнками и вступив во взрослую жизнь.

В гостиной находился именно мужчина – уверенный, спокойный и сосредоточенный. Тёмный хищник, поймавший в свои силки белоснежную голубку. Так было раньше, а сейчас?

А я, стоя в дверном проёме, всё пыталась найти различия. Возможно, Архольд стал шире в плечах, мне казалось, что раньше они были меньше. Талия стала уже, или это из-за плеч. Волосы были всё такими же черными, и пряди длинной рваной чёлки всё так же падали на лоб.

Небольшая гостиная была обставлена чудовищной громоздкой мебелью. Мягкая диванная группа у окна с ванильно-розовой обивкой и резными ножками. Лиловые гардины, украшенные тяжелыми золотистыми узорами, тюль безобразного грязного желтого цвета, который совершенно не подходил сюда. Тяжелый тёмно-коричневый шкаф и небольшой камин, полка которого была сплошь заставлена фарфоровыми статуэтками розовощеких пупсов в самых различных позах. Всё это сбilo меня с толку. Не так должна была выглядеть гостиная герцога, обстановка больше подходила для семидесятилетней бабушки, обожающей котиков.

И Архольд тёмным пятном выделялся на этом фоне, так ярко, что не заметить его было просто невозможно.

Один взгляд на молодого герцога, прямо в чёрные как ночь глаза, и сердце ёкнуло. Душа не забыла, как бы я себя ни убеждала, и сделать с этим ничего нельзя.

– Здравствуй, Сэм.

Голос Корвила был таким же низким, чуть хриплым, и так же, как четыре года назад, пробивал до дрожи в коленках. Вот только я больше не была той наивной семнадцатилетней девчонкой.

– Селина, – поправила я его, снимая с головы капюшон. – Для вас, герцог, леди Селина Торнтон.

Он стоял у окна – в тёмных прямых брюках, белоснежной рубашке, рукава которой были закатаны, подчёркивая загорелые накачанные руки. Образ дополняла графитового цвета жилетка, в небольшом кармане которой блестела цепочка от карманных часов.

– Знаешь, было бы странно называть собственную супругу по титулу.

– Я не твоя супруга, – произнесла я, входя в комнату и закрывая за собой дверь для того, чтобы прижаться к ней спиной, будто ища опору.

Свадебный обруч на голове никуда не делся, как и узор хамой. Я видела, как Архольд задержал взгляд на капельке на переносице, но лишь сильнее поджала губы.

Откуда этот стыд? Откуда желание прикрыть узор рукой? Мы ничего друг другу не должны.

Но то, что должно было стать праздником души и сердца, извещая каждого встречного о моём новом статусе, стало проклятием. Узор не смывается две недели, а позор останется до конца моих дней.

Холодный и расчётливый взгляд Дерекa словно возвращал меня на пять лет назад, опять превращая в наивную мечтательницу с верой в счастливое будущее и собственное предназначение.

Только это будущее у меня отняли. Уже дважды.

Архольд умел так смотреть – свысока, пренебрежительно-равнодушно, выставляя всех и каждого дураками. Я хорошо помнила, как бесился молодой наследник одного из княжеств, что располагались в хорейских топях, когда Дерек парой фраз поставил на место зарвавшегося юношу, который довёл до слез двух бедных сангорийских студенток, прилюдно унизив. Последовавшая за этим дуэль едва не стоила наследнику жизни, но спеси убавила.

Дерек вообще был мастером дуэлей. И лишь благодаря умению и точности ударов молодого человека ни один из таких поединков не закончился смертью. Хотя избавиться от него мечтали многие.

– Разве не ты сама так представилась Мортимеру? – продолжил Архольд, привлекая моё внимание. – Если честно, я был удивлён твоей смелостью. Признаться в столь постыдном поступке обычному слуге? Удивительная безответственность, Сэм. Ты же столько лет скрывала этот маленький секрет.

– И не только я. В любом случае это ничего не значит.

– В нашем мире всё всегда что-то значит. Ты же знаешь, – Дерек повернулся ко мне всем корпусом и сложил руки на

груди.

Мышцы забугрились.

– Ты знал, – прошептала я и вновь задрожала.

Подол платья начал оттаивать, и снова стало мокро и холодно.

– Что мы всё ещё женаты? – лениво уточнил Архольд и направился к журнальному столику, на котором лежала кипа бумаг. Он взял парочку и принялся неспешно изучать. – Да, я был в курсе.

– И как давно? – пытаюсь сохранить остатки терпения, спросила у него.

– Чуть больше месяца, – не отрываясь от написанного, ответил Корвил.

Тут сдержаться мне не удалось.

– Ты чёртов ублюдок! – рыкнула я, делая всего шаг в его сторону, словно хотела ударить, но вовремя смогла остановиться. С него станется ударить в ответ. Я заставила себя замереть, теребя пуговичку на шубке и внимательно смотря на мужчину. – Почему ты молчал?

Естественно, Архольд не ответил мне сразу. Мужчине нравилось тянуть время, глубокомысленно молчать и провокационно смотреть.

– Для начала, – в конце концов сообщил герцог, а бумаги в его руках тихо зашелестели, – должен тебе сообщить, что моя законнорожденность установлена и подтверждена три года назад. Дед постарался, прежде чем передать мне титул

и объявить единственным наследником огромного состояния Архольдов, к большому неудовольствию старших сыновей отца. Так что с твоим замечанием я не согласен. И, Сэм, прежде ты никогда не ругалась. Неужели милашка виконт на тебя так плохо влияет?

– Не смей! Не смей даже имени его произносить. Ты даже мизинца Эйдана не стоишь.

– И слава Великим! Быть похожим на этого занудного парня... Брр, – Архольд раздраженно повёл плечами и ехидно добавил: – Я встречался в министерстве с твоим женихом. Надо сказать, Сэм, с годами твой вкус испортился.

Я проглотила и это.

– Тебе доставляет удовольствие издеваться надо мной, да? Если ты столько времени знал о... – я запнулась и заставила себя закончить, – о нашем браке, то почему не сообщил? Ведь мы оба были уверены, что его не было, что жрец в той деревеньке всё отменил.

– Как видишь, мы ошиблись.

– Зачем ты издеваешься надо мной? Этот подаренный жасмин и записка? Зачем ты так?

Скрыть боль в голосе не получилось. Но мне было всё равно. Я открывалась и ждала этого от него.

Но вновь не дождалась.

– Неужели тебе не понравился мой подарок? – тёмная бровь удивленно приподнялась, и он вновь ушел от ответа. Я уже сбилась со счёта в какой раз. – Дорогая вещь, и краси-

вая, созданная по моему эскизу специально для счастливой невесты. Подарок от чистого сердца.

– У тебя нет сердца!

Сказала и едва не отшатнулась назад к двери, увидев, как резко поменялся взгляд Архольда. И не только взгляд, он весь. Пару секунд назад мужчина стоял, едва обращая на меня внимание, и просматривал документы, будто там решался вопрос всего мира. А тут всего лишь одна моя фраза, и герцог подобрался всем телом, напрягся, и взгляд чёрных глаз стал таким страшным и тёмным, как сама ночь.

Заигралась, забыла, кто передо мной.

– Селина, выбирай выражения, – чётко, чуть ли не по слогам произнёс герцог, медленно опуская руки и кидая бумаги на столик.

Они с тихим шелестом спикировали вниз и застыли.

– Надо же, – усмехнулась я и медленно двинулась через гостиную к камину. – Ты назвал моё имя, не дурацкую кличку, которую придумал, чтобы бесить и доставать несчастную студентку из Ванагории, а настоящее имя.

Его злость и выпад вместо того, чтобы навести страх и ужас, неожиданно произвели прямо противоположный эффект. Вернулись уверенность в собственной силе и спокойствие.

Огонь в камине горел ярко и призывно, обещая тепло замерзшим ногам. Подойдя прямо к нему, я коснулась одного из розовощёких фарфоровых младенцев на полочке.

«Спокойно, Селина, Корвил не знает тебя. Прошло четыре года. Не только он возмужал и изменился».

– Как твой жених отнёсся к тому, что ты закрутила роман с герцогом из соседней враждебной страны?

– Мы больше не враждуем, – не отрывая взгляд от статуэток, ответила ему.

Тут были не только младенцы, но и хорошенькие кукол-ки-пастушки в пышных коротких платьях и с золотистыми кудряшками на голове.

– Четыре года назад отношения между нашими странами были более чем натянутыми.

Теперь пришла моя очередь играть. Но, даже отвернувшись от него, я чувствовала спиной злой обжигающий взгляд.

– Четыре года назад ты не был герцогом, – парировала в ответ.

– Ну да, – жесткая ухмылка, я не видела, но чувствовала её. – Третий ребенок второго сына герцога Архольда. Никто не думал, что старый хрыч такое провернёт.

Никто не думал тогда. Всего лишь младшая ветвь в благородном семействе. Скандальная ветвь, изгнанная старым Архольдом из родового поместья. Поэтому он и вырос таким диким, неуправляемым и крепким. Улица быстро научила богатенького отпрыска защищаться с помощью кулаков и грубой силы.

– В этом было всё дело, Сэм? – неожиданно глухо спросил

Корвил. — Поэтому ты вдруг так неожиданно передумала и сбежала, оставив бессмысленную записку? И предав меня?

Я повернулась к нему, непонимающе нахмурившись.

— Я хотя бы оставила записку, а что сделал ты?

В ответ — тишина и тяжелый взгляд тёмных глаз, испытующе меня разглядывающих.

— Не тебе говорить о предательстве, Архольд, — продолжила я. — Знаешь, а ты ведь нисколько не изменился за эти годы. Всё такой же себялюбивый болван. Главное — только ты, твоё мнение, твои желания и стремления. А я должна была их подхватывать, преданно глядя в глаза, и глупо улыбаться. Но я так не хочу. В любом случае это уже неважно. Прошлое не изменить, а вот отвечать за него придётся. Я пришла сюда с одной единственной целью: расторгнуть наш брак. Точнее, тот фарс, который Великие посчитали браком.

— Не волнуйся, Сэм, это обоюдное желание. Я тоже не испытываю восторга, что связал свою жизнь с избалованной девчонкой, падкой на блеск золота и титулы. Но не всё так просто. В глазах Великих мы муж и жена. Несмотря на то, что брак не был завершён и мы не переспали.

Я сглотнула, проглотив обидные оскорбления. Мне было что ответить ему, супругу, с которым нас соединили Великие.

От камина шло тепло, подол платья начал нагреваться. Ещё немного, и повалит парок. Но и отойти я не могла, сейчас мне очень не хватало этого тепла, особенно, в холоде

взгляда герцога.

– Значит, будем договариваться с Великими. Они должны понять, что это ошибка, не нужная ни тебе, ни мне.

– Откуда ты знаешь, что мне нужно? – вдруг спросил мужчина. – Почему ты сдала меня стражникам?

– Я не сдавала!

– Правда?

«Великие, зачем он так смотрит? Еще немного, и не выдержи».

– Да, я хотела тебе отомстить за ту боль, что ты причинил мне, за ложь и обиду. Хотела, но не стала. Леонард уговаривал рассказать, где ты, но я отказалась.

– Даже так.

Мне душно, жарко и невыносимо тяжело. Хочется переступить ногами, сделать хоть какое-то движение, но не могу, продолжая стоять перед ним. Можно было заподозрить применение искры, но я знала, что это не так. Никакой силы, лишь моя реакция на его присутствие. Хорошо, хоть речь не пропала.

– Опять игры, Архольд? – сухо улыбнулась. – Не надоело тебе?

А мужчина молчал, изучая меня с головы до ног. Сейчас я как никогда чувствовала себя голой, вспомнив, что под платьем ничего нет. Слава Великим, я не расстегнула шубку, это давало мне хоть крохотную, но защиту. А взгляд Корвила снова задержался на капельке на лбу, прошелся по косе с

жемчужными нитями, вниз, к пальчикам, которые судорожно сжимали ворс шубки, пока не посмотрел на насквозь промокшие и грязные туфельки. Наверное, от них остались следы на полу в холле.

– Коса, золотой венец с письменами, – медленно проговорил Корвил. – Священная вязь на лице и специальный наряд. В этот раз всё было красиво, Сэм?

Я моргнула и отвернулась, рассматривая жуткий тюль у окна.

– Как в сказке.

– Всё по правилам, не так ли, Сэм? Главный храм в столице, священная поляна с Великими и тёплая вода в ручье. Об этом ты мечтала?

– Да.

Четыре года назад всё было намного проще. Вязи не было, лишь крохотная точка на лбу. У нас не было возможности найти даже самую простенькую хамиби. Ни жемчуга, ни обруча на голове. Даже наряд мне пришлось брать в долг у жены хозяина таверны. Я до сих пор помню, как короткая, едва доходившая до колен рубаха из грубого волокна колола чувствительную кожу, как от неё пахло дешевым мылом, как чесалось тело. Мы так спешили, так боялись, что нас поймут, что отказались от всего.

Глупо, как же глупо. Но образы прошлого ожили, и кажется, это было только вчера.

– Ты так и не сказала, как отнёсся виконт к нашему бра-

ку, – напомнил Дерек, оставляя эту опасную для нас обоим тему.

– А ты не сообщил мне, почему больше месяца скрывал от меня правду, – в тон ответила ему.

– И как я должен был об этом сообщить? Твой дорогой братец дал чётко понять, что мне нельзя приближаться и тем более разговаривать. Все письма и сообщения будут перехватываться и уничтожаться. Любое появление на землях Торнтонов даёт право страже стрелять на поражение. И как в этих условиях я должен был сообщить тебе о нашей маленькой неприятности?

В его словах был смысл. Но я знала и другое.

– При должном желании ты можешь добиться всего, чего захочешь, и никакие преграды бы тебя не остановили.

Герцог согласно кивнул.

– Да. Наверное, ты права. Вот только я не захотел. Считаю, что это моя маленькая месть.

– Месь?! – я едва не задохнулась от боли. – Это мне надо мстить тебе! Это ты меня использовал!

– Видишь, какой содержательный диалог у нас получился? И еще, Сэм, – он оскалился в злой улыбке. – Они ведь не знают, что ты здесь, не так ли? Твои дорогие родственники.

Я вздрогнула.

– Нет.

– Представляешь, как это выглядит? Узнала правду о браке и тут же ринулась к любовнику. Какой пассаж, Сэм.

– Мы с тобой не были любовниками. И не будем. Но в одном ты прав. Нормального разговора у нас с тобой не получится. Прошу прощения, что побеспокоила вас, герцог. Этого больше не повторится. А по поводу расторжения брака с вами свяжутся наши семейные юристы. Всего доброго.

Не в силах больше оставаться с ним наедине, смотреть в эти бесстыжие глаза, я пересекла гостиную и уже схватилась за ручку, намереваясь открыть дверь, как услышала:

– Ты забыла, что задолжала мне, Сэм?

Оборачиваться не стала. Просто замерла, ожидая продолжения.

– Первая брачная ночь. Ты уже четыре года, как должна её мне.

Моим ответом была громко хлопнувшая дверь, которую я закрыла за собой.

Ненавижу! Как же сильно я его ненавижу!

Честно говоря, я не особо удивилась, увидев Леонарда, ожидающего меня у кареты. Старший брат всегда был рядом в самые сложные моменты жизни. Он неумолимо предугадывал все мои поступки, успевая вовремя оказаться рядом. Лишь один раз опоздал.

Я даже обрадовалась, заметив его высокую худощавую фигуру у ворот. Ведь если Лео здесь, то всё будет хорошо, всё будет по-прежнему. В общем, я так заспешила, что даже забыла попрощаться с дворецким, который открыл передо мной двери, и едва не упала на скользких ступеньках, сумев

в последний момент удержать равновесие.

Эйдана рядом с ним не было. И это даже хорошо.

Молодой мужчина раздраженно постукивал перчатками по раскрытой ладони и смотрел, как я спешу к нему по широкой дорожке, едва не переходя на бег.

– А где матушка? – подходя ближе, спросила у него.

Об Эйдане тоже надо было спросить, но я боялась услышать ответ. Трусость? Конечно. Но, Великие, слишком много на меня свалилось за последние часы. Я имела право на небольшое послабление. Ведь самое сложное еще ждало впереди.

Керит благоразумно помалкивал, упрямо смотря перед собой и делая вид, что его тут вообще нет. Но я видела, как он прислушивался к нашему разговору, как крепко сжимал поводья, заставляя уставших лошадей стоять на месте.

Матушка говорила, что слуги всегда всё знают и ничего не укроется от их внимательного взгляда. Самое главное, чтобы слухи не распространялись дальше хозяйского особняка. Хотя, чего я переживаю, о скандале уже через пару часов будут знать все.

– Эйдан повёз её домой. Это было глупо, Селина, – помогая сесть в карету, сухо заметил братец.

Он был очень недоволен моим поступком, но голоса не повышал, а наоборот, даже понизил на пару градусов, от этого стало только хуже.

Внутри кареты было холодно. Даже холоднее, чем на ули-

це. Я зябко повела плечами и спрятала руки поглубже в рукавах шубки. Вновь запершило горло и засвербело в носу. Если срочно не предпринять меры, то я могу слечь с горячей на пару дней. Стояние у камина не сильно помогло.

– Я должна была с ним поговорить, – произнесла я, как только карета тронулась с места.

– Не стоило, – вновь повторил братец. – Для подобных вещей есть я и наши юристы. Ты ведь не подумала, что уже вечером о вашей встрече будет судачить вся столица? Очень сложно не заметить наш герб на дверце кареты.

Не подумала, но сомневаюсь, что это что-то изменит.

– Архольд знал о том, что наш брак не был расторгнут, – разглядывая в окно проплывающие мимо дома и улицы, спокойно ответила брату.

Город уже проснулся.

Занесённый тонким слоем снега, который едва покрывал мощённые булыжником мостовые, голые ветки скрюченных деревьев, он словно сонно потягивался, готовясь к новому дню. Уже к обеду на ярком, но холодном солнышке снег растает, оставляя после себя серые, безликие лужи и комья грязи. В лужах ребятня любого сословья и положения будет пускать кораблики из древесной коры и прутиков, грозя свалиться и промокнуть до нитки. А грязь доставит лишние хлопоты слугам, которые вновь и вновь будут намыwać полы, пытаясь сохранить чистоту. Но это будет потом, а пока снег блестел, создавая ощущение чистоты и праздника.

– С чего ты это взяла?

– Что? – я непонимающе взглянула на Леонарда, потеряв нить разговора.

– С чего ты взяла, что Архольд знал о том, что вы еще женаты?

– Он вчера прислал мне подарок и записку, – равнодушно ответила я, вновь отворачиваясь к окну.

– Что? – в голосе Лео появились металлические нотки.

Брат явно не ожидал подобного и разозлился. Редкое явление, вот только мне было всё равно. Я устала и совершенно не знала, как быть дальше.

Может, сбежать к Айоле на время? Подруга точно приютит беглянку у себя. И на Севере нравы иные, там никто не будет знать о моём падении. Жаль, но не получится, ущелье уже закрыто, и никто не рискнет перевести меня через Анагорские горы.

– Почему ты мне не сказала? – продолжил Леонард.

Было видно, что он едва сдерживается, чтобы не схватить меня за запястье, оставляя уродливые синие пятна на коже, принуждая меня смотреть ему в глаза и отвечать. Но брат сдерживался.

– А чего рассказывать? Эта была всего лишь веточка жасмина из драгоценных камней, а в записке два слова: «Удачи, Сэм!» Вот и всё.

– Сэм?

Отвечать не хотелось. Я вообще была не рада, что подняла

эту тему. Слишком личной она была и слишком тревожные воспоминания поднимала.

– Он меня так называл.

– Но почему так? Это же мужское имя.

– Селина Энн Маргарет. Соединил первые буквы моего имени, вот и вышло СЭМ. Еще один способ достать и уни-
зить меня, – ответила я, любуясь игрой солнечных зайчиков на золочёном шпиле военного министерства, мимо которого мы как раз проезжали.

Обычно военную карьеру выбирали младшие сыновья лордов или бастарды, которым повезло быть признанными. Или не повезло. У нас в Академии учился один такой признанный. Его звали Ферб. Это был серьёзный и скованный парень, который редко улыбался и всё время был настороже. Его ждала военная карьера, а тут неожиданно проснулась искра. Теперь он не знал, как быть дальше. Юноша жил будто среди двух миров. Несмотря на обычаи и правила, классовое разделение всё-таки было. Аристократы предпочитали общаться с равными себе, в то время как простой люд кучковался сам по себе. Ферб не относился ни к одному из классов. Не аристократ, но и не обычный работяга. Как же это страшно – быть изгоем.

– А жасмин что обозначает?

– Да так. Долгая история, – ушла я от ответа, не желая вспоминать вновь тот день, который изменил всё и в одно мгновение прекратил шестимесячную вражду между нами. –

Вчера я не придавала этому значения, а сегодня поняла. Он поиздевался надо мной. Пожелал удачи, отлично зная, что ничего не выйдет. И Архольд подтвердил мои подозрения, даже не удосужившись извиниться.

– Это очень на него похоже. Жестокий, бессердечный ублюдок! – обычно Лео никогда не ругался при дамах, но тут даже его выдержки и воспитания не хватило. – Но всё равно ты не должна была с ним встречаться.

– Больше не буду. Ты прав, это была ошибка. Договориться у нас всё равно не получилось. Архольд вообще обвинил меня в том, что я сдала его органам правопорядка, хотя я никому не рассказала о его местонахождении, даже тебе, – потеряв виски, пробормотала я и нахмурилась. – Откуда у него вообще такие мысли появились?

– Он просто пытается тебя задеть, – быстро ответил Леонард.

– Наверное.

Мы выезжали из столицы, дома становились всё ниже и грязнее, улицы постепенно утратили блеск и лоск, зато увеличилось количество народа. Торговцы и товарки, ремесленники и просто мелкая шпана, будто муравьи, слонялись туда-сюда, пытаясь впихнуть прохожим свой товар или обчистить кошельки.

Я первая нарушила молчание.

– Как так получилось, Лео? Четыре года назад ты сам мне сказал, что брак расторгнут. Уверял, что раз мы не прошли

вторую часть, не закрепили союз на брачном ложе, то всё легко отменить. И тот жрец уверял, что всё кончено, сжигая обручальную ленту на огне.

Я помнила, как дрожала и до крови кусала губы, смотря, как огонь быстро пожирает связавшую нас с Дерекком грязную тесёмку.

– Найду и придушу, – пообещал Леонард, и светло-голубые глаза кровожадно сверкнули на бледном лице. – Он мне за всё ответит.

Мне даже стало немного жаль этого несчастного. Старший брат был крайне упёртым мужчиной и всегда добивался того, чего хотел. Любыми способами. В этом они были похожи с Корвиллом: ни один из них не знал и не воспринимал слово «нет».

– Пока ты бегала к герцогу, отравившему нашу жизнь, – продолжил молодой мужчина, – старший жрец главного Храма кое-что нам объяснил. Обычно Великие присутствуют на брачной церемонии номинально и лишь дают согласие. В этом случае Боги также легко разрешают расторгнуть союз, требуя при этом небольшой откуп и замаливание греха. Но не в нашем случае.

Кто бы сомневался. Я даже не удивилась, подозревая нечто подобное.

– А что не так с моим браком с Архольдом?

– Великие не просто дали своё согласие, они благословили вас, соединив души.

Звучало жутко и совсем безрадостно. Из уроков в Академии я помнила, насколько серьёзно подобное вмешательство Великих в жизнь простых смертных. Они считали это даром и очень не любили, когда от него отказывались, воспринимая оскорблением. А кара за подобное неуважение была серьёзной.

– И что теперь делать? – сипло спросила у него, не в силах смириться с несправедливостью. – Должен же быть какой-то выход.

– За вас должен попросить помазанник Великих.

Я сглотнула, чувствуя, как пересыхает от страха во рту.

– Короля? Ты имеешь в виду нашего короля?

Другого помазанника я не знала.

– Да.

Истерический смех сорвался с губ и застыл между нами колкой льдинкой. А еще совсем недавно казалось, что удивить меня больше невозможно.

– Великие, за что?

– На это уйдёт не меньше месяца, – закончил Леонард, совершенно не пытаясь пощадить мои чувства или облегчить боль.

Мне показалось, что я ослышалась.

– Месяц? Ты сказал месяц?

– Да. Я поговорю с Мартином, он должен нам помочь и убедить короля расторгнуть брак.

Пара мгновений, чтобы всё осознать и заставить себя за-

дать самый главный вопрос:

– Эйдан меня ненавидит? – едва слышно прошептала я.

Лео ответил не сразу.

– С виконтом будешь объясняться сама. Но будь я на его месте, то разорвал бы все отношения с такой невестой, обратился к адвокатам и уничтожил её семью, смешав с грязью. Грехи есть у всех, так вот я бы вытащил все скелеты и выставил на всеобщее обозрение.

– Но ты не на его месте.

– Вот и радуйся. Виконт тебя любит, несмотря ни на что, на этом и будем играть. А вот его мать – проблема.

– Это ведь не удастся скрыть, не так ли? Как быть?

– Скажем всё, как есть.

– Совсем всё?

– Всё, что необходимо, чтобы максимально сгладить скандал. Санроу тоже не захотят вывешивать грязное бельё на всеобщее обозрение. Так что тебе повезло, Селина. Четыре года назад мне удалось вытащить тебя, но сейчас пришла пора самой отвечать за свершенное.

Больше с Леонардом мы не разговаривали. Весь оставшийся путь до нашего поместья каждый смотрел в своё окно и молчал.

Не знаю, о чём думал брат, по его непроницаемому виду ничего нельзя было понять, а я вспоминала.

Да, мне следовало думать о том, что будет, когда мы приедем. Как смотреть в глаза родителям, гостям и Эйдану.

Надо было придумывать слова, которые я скажу, представлять, как буду вымаливать прощение у жениха. Приготовиться к позору, который непременно падёт на мою голову. Ведь для того, чтобы выстоять против общественного осуждения, нужна нечеловеческая стойкость и железные нервы.

Но я так устала. Слова не складывались, мысли путались, и я просто вспоминала, прокручивая счастливые и яркие воспоминания, пытаюсь в них найти утешение и силы.

Искра появилась за день до моего семнадцатилетия. Именно с этого дня жизнь изменилась, став другой, делая меня отличной от остальных. Той, которой коснулась печать Великого Сына.

В тот день мы гуляли с подругами в Гарет-парке. Стоял приятный летний денёк, послеполуденное солнце ярко светило, пели птицы, мелодично журчала вода в небольшом озере в центре парка.

Я хорошо помнила, как слуги расстелили нам плед в тени огромного раскидистого дуба. Плед был клетчатый и очень мягкий. Из плетёных корзинок на него перекочевали блюда с фруктами, ягодный безалкогольный пунш с кусочками фруктов и прозрачными кубиками льда и небольшая корзинка с пирожными.

Положив шляпку с широкими полями рядом, я сидела, откинувшись назад и опираясь руками о покрывало, жмурясь от удовольствия, когда солнечный лучик, кое-как пробравшись сквозь листву, упал мне на лицо.

Загорать нам запрещалось. Истинная леди должна быть бледна и холодна. А мне так не хватало тепла, и не только физического.

Для полного счастья хотелось снять еще и туфельки, но этого делать нельзя было никак. Во-первых, тонкие чулки запачкаются или порвутся. А во-вторых, это же будет грандиозный скандал. Дочь леди и лорда Торнтонов ходила по парку на глазах сотни отдыхающих, сверкая голыми ступнями.

– Я слышала, виконт Санроу оказывал тебе знаки внимания на балу мадам Крунз, – оторвав небольшую зелёную виноградинку и отправляя её в рот, произнесла Жульетт, привлекая моё внимание.

– Нас представили друг другу только вчера, – улыбнувшись, ответила ей.

– И ты танцевала с ним два танца, – добавила кареглазая Полли, переглянувшись с веснушчатой Оливией.

– Все это видели, – кивнула та. – Не удивлюсь, если в сегодняшнем «Сплетнике» появится статья о вас.

Меня это не пугало. Ничего предосудительного мы не сделали, и бояться было нечего. Наоборот, такое внимание мне даже нравилось.

– Он красив, умен и очарователен. Недавно вернулся из Фрей, где проходил двухлетнюю службу при дворе императора.

– А еще виконт очень богат, – вставила Полли.

Для подруги это было самым главным. Три года назад отец

промотал на скачках всё состояние, и единственное, что у них оставалось, это имя. Теперь девушка искала жениха побогаче. В тот момент выбор был остановлен на господине Понсе – сорокалетнем вдовце с залысинами и толстым животиком, который годился девушке в отцы. Даже его единственный сын Генри Понсе был старше девушки на целый год, но её это совершенно не смущало.

В конце концов она всё-таки стала женой господина Понсе сразу после своего совершеннолетия. Только брак продлился недолго. Уже через восемь месяцев Полли стала вдовой при весьма щекотливых обстоятельствах. Ходили слухи, что уважаемого господина хватил удар, когда он застал молодую супругу в одной постели со своим сыном. Доказательств не было, но Полли пришлось в спешке покинуть столицу, переехавшись в провинцию, где через полгода она произвела на свет здоровую девочку. Как только траур закончился, они с Генри поженились. По возвращении из Академии я отправила им письмо с поздравлениями и подарок – фарфоровый сервиз на двадцать четыре персоны. Надеюсь, они будут счастливы.

Но это всё будет потом, а тогда мы просто отдыхали.

– Селине это неважно, – хмыкнула Жульетт. – За неё дают такое приданное, что нам и не снилось. Она у нас девушка обеспеченная и родовитая.

Разговоры о деньгах утомляли и вызывали тоску.

Я быстро встала со своего места и потянулась.

– Пойду к озеру. Кто-нибудь хочет со мной?

– Мы посидим тут, – улыбнулась Оливия.

Я пожалала плечами и отправилась по дорожке вниз, один из слуг тенью последовал за мной на расстоянии пяти шагов. Не надо быть гением, чтобы понять, о чём подруги будут шептаться. Я знала, что они завидовали мне, и это вызывало в груди непонятную боль.

Матушка, которой я рассказала о своих подозрениях, лишь махнула рукой.

– Ты Торнтон, тебе должны завидовать. Чем больше, тем лучше.

Но мне хотелось другого, чтобы со мной просто дружили, а не перемывали косточки, стоит только отвернуться.

Именно у озера искра и проснулась.

Дуновение легкого ветерка, ласкающего кожу, внезапно в одно мгновение сменилось штормовым вихрем, сбивающим дыхание и едва не свалившим меня с ног. Я пошатнулась, хватаясь руками за воздух, пытаюсь не упасть. И воздух вдруг стал материальным и таким объёмным. Он замерцал перед глазами, а вода, трава и голубое небо неожиданно утратили краски, став блеклыми и тусклыми. Голоса и звуки смолкли, оставив лишь стук собственного сердца и сбивчивое дыхание.

Мир замер и замедлился, почти застыв.

– Великие, – собственный шепот оглушил и заставил вздрогнуть.

А потом я увидела искру. Скачала это была именно искорка, возникшая у водной глади. Она мерцала и билась в унисон с моим сердцем. Но с каждой секундой она становилась всё больше и ярче. Вскоре мне пришлось зажмуриться и закрыть лицо руками, таким ослепляющим был свет.

Искра надвигалась, неся за собой тепло и покой. Невероятные и такие родные ощущения. Я перестала бояться, еще до конца не осознав, что именно происходит, но уже принимая дар Великих.

А дальше я потеряла сознание и очнулась уже дома. Моя судьба была решена. В начале сентября следовало отправиться в Академию, чтобы научиться пользоваться даром и стать одной из искрящих. Матушка и Лео убеждали, что я могу проучиться там всего год, это минимальный обязательный срок. Оставшиеся четыре года студенты обучаются, лишь лично изъявив желание. Я так и хотела поступить. Но в конце первого курса всё изменилось.

Я не могла вернуться домой, моё сердце было разорвано в клочья. Вернуться домой, в столицу, и вести праздную жизнь богатой наследницы? Нет, на это сил у меня не было. Поэтому я отказалась, посвятив себя учёбе.

Пока на горизонте не появился Эйдан. Именно он помог забыть мне прошлое и бесстрашно взглянуть в будущее. Именно жених позволил мне доучиться последний курс, согласившись подождать целый год.

А я предала его, не рассказав правды.

– Приехали, – сообщил Леонард, и карета остановилась недалеко от чёрного входа. – Готова?

Как будто у меня был выбор.

– Да, – прошептала я, подавая руку, чтобы он помог спуститься.

Глава четвертая.

Последствия ошибок

Селина

– Ах ты, дрянь!

Злобный крик, полный жгучей ненависти, и последующий за ним удар слились в одно целое. Щеку опалило огнём боли, перед глазами вспыхнули искры, и я едва смогла устоять на ногах.

Надо же, а с виду такая хрупкая женщина – тоненькая, бледная, тёмные круги под глазами были тщательно замаскированы специальной косметической глиной. Ладонь у неё была изящной, с тонким запястьем и длинными пальчиками, а вот сама рука оказалась тяжелой, и пощёчина обжигающей. Именно эффект неожиданности и моя растерянность сыграли свою роль. Я просто не успела уклониться в сторону, а так и осталась стоять, хлопая ресницами и прерывисто дыша.

Обидно и унижительно.

Новый замах, словно ей мало было моего унижения, но на этот раз я была начеку и дёрнулась в сторону, отступая на шаг и едва не спотыкаясь о кресло.

Но удара не последовало, женщина опустила руку, презрительно меня оглядывая.

«А ведь ей нравится. Нравится видеть меня сломленной.

Гораздо больше, чем просто ударить».

— Ну уж нет, — свистящим голосом произнесла леди Франсина Санроу. — Я не буду больше марать руки о такую дрянь, как ты.

Я промолчала, продолжая смотреть прямо в перекошенное от гнева лицо бывшей будущей свекрови.

Она всегда меня ненавидела и не одобряла выбора сына. Нет, напрямую вдова Санроу никогда ничего не говорила, всегда оставаясь приветливой и даже ласковой. Вот только от её улыбки и сладких речей у меня сводило щеки и ныли дёсны. Она была слишком умна для такой непростительной оплошности.

Эйдан любил меня и твёрдо заявил о намерении взять в жены. Объявить о своём недовольстве означало пойти против его воли и потерять. А этого леди Франсина допустить никак не могла.

Женщина была манипулятором, умело пользовалась слабостями других и всегда оставалась в выигрыше при любом раскладе. Слабостью Эйдана была любовь. Он очень любил мать, которая вырастила его одна, и всячески старался сделать её жизнь лучше.

А что делала эта женщина? Болела. Очень долго, длительно и практически неизлечимо. Любая мелочь или стресс вызвали обмороки, жуткие мигрени и боли в груди. Эйдан тогда всё бросал и спешил к ней, просиживая у кровати и умоляя поберечься.

Актриса из леди Франсины вышла замечательная, наверное, причиной этому можно посчитать многолетнюю практику. Но Эйдан ей верил, а я предпочитала молчать, наивно предполагая, что с нашей свадьбой всё изменится.

Но сейчас, глядя в её холодные глаза, я вдруг отчётливо поняла, что нет. Леди Франсина никогда бы меня не приняла и сделала бы всё, чтобы превратить мою жизнь в сплошные мучения, доставая постоянными придирками и замечаниями. Пока бы я не взорвалась, вынуждая Эйдана делать выбор (не уверена, что он был бы в мою пользу), либо просто сгорела.

И дело было не только в моём положении. Многие забыли, да и я никогда не обращала на это внимание, но леди Санроу не родилась аристократкой. Её дед семьдесят лет назад разбогател на торговле товарами из Фреи. Именно тогда солнечная империя, которая столько столетий была закрыта от всего мира и существовала очень обособлено, решила открыться миру. Восхождение на трон императора Либерия всё изменило.

Но жители Ванагории, с которыми Фрея граничила на юго-западе, не спешили открывать двери и начинать свободную торговлю, настороженно относясь к изменениям.

Этим и воспользовался Деймонт Лару. Мелкий торговец в небольшом пограничном городке, он первым понял перспективы отношений с империей и не побоялся начать сотрудничество. Статуэтки из нефрита, фигурки ужасных кры-

латых змей, называемые драконами, что были раскрашены яркими красками, и самое главное – фреольский шёлк, который быстро завоевал любовь всех великосветских модниц Ванагории, а потом и других стран.

Но на легальной продаже далеко не уйдёшь. Контрабанда. По документам Лару ввозил в Ванагорию одно количество товара, а по факту совсем другое. Конечно, необходимо было платить стражникам на границе, но выгода была намного больше. Желающих приобрести невероятной красоты товар, даже по завышенным в несколько раз ценам, день ото дня становилось всё больше. Лару богател и поднимался всё выше по социальной лестнице.

Каких-то десять – двенадцать лет, и старый торгош стал одним из самых богатейших жителей юго-запада Ванагории. Аристократия, которая являлась постоянным клиентом Лару, была вынуждена принять его в свои ряды. И принять хорошо, иначе вожеленный товар уплыл бы у них из рук.

Именно в те беспокойные годы, когда конфликт между Ванагорией и Сангорией набирал обороты и народ замер в ожидании неизбежной войны, Деймонт Лару договорился о браке своей единственной внучки с виконтом Санроу. На момент заключения брачного союза ей было всего семнадцать, ему пятьдесят три. Оланд Санроу был дважды вдовец, но не это заставило его искать жену. Три месяца раньше, во время страшного шторма в Тихой бухте затонул корабль, на котором плыл его единственный сын, а также двое

внуков. Никто не выжил. Род Санроу был на грани исчезновения, и дальний родственник уже видел себя наследником сокровищ древней семьи. Именно поэтому виконт особо не стал копаться в невестах, мечтая как можно скорее заполучить наследника.

Эйдан родился ровно через девять месяцев после поспешной свадьбы и был очень слабеньким. Целители боялись, что он не выживет, а если выживет, то будет страдать слабоумием. К счастью, этого не случилось.

Злые языки утверждали, что молодая жена так торопилась забеременеть, что заделала ребёнка с двоюродным племянником виконта, который и должен был стать наследником всего, если бы Эйдан погиб. Но доказательств непристойного поведения Франсины не было, тем более Эйдан был очень похож на отца.

Оланд Санроу умер через два года после свадьбы. Несчастный случай на охоте. Он оставил безутешной вдове и сыну титул, деньги, несколько богатых и преуспевающих поместий и золотые прииски на склонах Анагорских гор. Через пару недель умер и племянник Санроу. Утонул в озере.

Количество несчастных случаев меня лично настораживало, но опять-таки доказательств ни у кого не было.

Франсина Санроу была безутешна и больше замуж не выходила, полностью посвятив себя сыну.

Именно золотые прииски, которые приносили ежегодно около десяти тысяч золотых, сыграли важную роль в нашей

помолвке. Отец просто не мог такого упустить.

– Денег никогда не бывает много, – рассудительно заметил он, подписывая брачный контракт накануне моего отъезда в академию.

Мне было всё равно. Я любила Эйдана просто потому, что он был добрый, светлый и такой хороший. А он любил меня.

В этом и была проблема.

Я была опасна для Франсины Санроу. Её трон, на котором она восседала почти тридцать лет, пошатнулся, и власть над сыном стала выскальзывать из жадных ручонки. Вот только раньше у этой опасной женщины не было ни единого шанса уничтожить меня, а теперь всё изменилось. Я сама вручила виконтессе его в руки.

– Шлюха!

– Неправда, – совершенно спокойно ответила ей, окончательно придя в себя.

Ох, как до сих пор сильно горела щека. На лице наверняка остался след от её руки. Уродливая красная отметина.

По всей видимости, женщина никак не ожидала, что я осмелюсь возражать. В её представлении семья Торнтон была уже раздавлена, сломлена и уничтожена. А я могла лишь сносить оскорбления и заламывать руки, моля о прощении. О да, уверена, она с радостью посмотрела бы на мои унижения и подтолкнула к обрыву, вслушиваясь в предсмертный вопль перед встречей с неизбежным.

Ошиблась. И устраивать истерики я не собиралась, таких

людей больше всего выводит из себя спокойствие и уверенность, благородство, которого внука торговца была лишена.

– Что? Да как ты смеешь?!

– Ваш личный врач проводил осмотр. Тот самый осмотр, о котором вы так настаивали.

– Ты обманула всех, маленькая дрянь. Обманула, используя искру и ваши магические штучки.

– Ложь, – не теряя достоинства, ответила ей.

Мы с Лео вернулись домой всего полтора часа назад. Он быстро провёл меня через чёрный ход, велел сидеть в покоях и не высовываться.

– Тебе не стоит здесь появляться. Только не сейчас.

Возражать я не стала.

Конни, которая уже поджидала меня в покоях, лишних вопросов не задавала. Помогла раздеться, усадила в горячую воду с весёлыми пузырьками и сразу же вручила целебную настойку, которая на корню уничтожила подступающую простуду. Но какой же противной она была.

Переодевшись в домашнее платье из тонкой шерсти, я сидела в кресле у камина, неотрывно смотря на пламя. А в руках крутила веточку жасмина. Драгоценные камни нагрелись от рук, а цветы ощущались совсем как живые. Мысли были далеко, а будущее туманно и зябко.

Я вновь и вновь прокручивала последний разговор с Архольдом. Там что-то было странное, что не давало мне покоя.

Получается, Корвил считает, что это я сдала его властям, и

поэтому ненавидит и мстит? Его чувства понятны, ведь только мне было известно его местонахождение. Проблема была в том, что я этого не делала. Бесспорно, хотела, но не стала.

Хотя какая разница. Всё равно, что Дерек думает и за что презирает. Мне вполне хватает собственной ненависти и боли, которая никуда не делась за эти годы.

Именно поэтому приход леди Франсины оказался для меня полной неожиданностью.

– Ты расчётливая дрянь, – женщина вновь взмахнула рукой, намереваясь ударить, но я уже была готова к этому. Уворачиваться больше не стала, а лишь перехватила руку, крепко сжав запястье. – Пусти!

– Не смейте больше так делать. Никогда! Я не ваша служанка. Я Селина Торнтон и требую к себе уважения.

– Ты шлюха сангорийского герцога, – вырывая руку, выкрикнула она и отступила. – К вечеру вся столица будет об этом знать!

– Неправда. Я невинна и искру не использовала. Использовать дар Великого Сына для подобных целей большой грех и грозит большими неприятностями.

– Вот ты их и получила! – радостно провозгласила она. – Великие наказали тебя за ложь и похоть. Я говорила Эйдану, что ты нечестива, предупреждала моего мальчика. Но он не слушал. Приворожила, околдовала, лишила рассудка! «Селина самая лучшая!» – изображая сына, произнесла женщина, а голос её был полон яда и ненависти, которые она даже

не пыталась скрыть. – «Селина самая умная, честная и красивая! Селина то, Селина – сё!» А оказалось вот что. Ты смешала наше имя с грязью. Был бы жив мой дорогой супруг... Это ужасно. Опозорила, обесчестила, уничтожила. Пусть Великие проклянут тебя!

Последняя фраза прозвучала так грозно, что я невольно поёжилась. Грешно разбрасываться такими словами, даже если дара ты не имеешь.

– Я этого не хотела.

– Ты пыталась смыть свой разврат с помощью моего мальчика. Может, ты уже ребёнка нагуляла?

Я вздрогнула и быстро покачала головой. Как она может думать так? Всему же есть предел.

– Я люблю Эйдана.

– Ты, – её длинный тонкий пальчик указал мне прямо в лицо, – клянусь Великими, ты больше никогда не подойдёшь к моему мальчику. Никогда и ни за что.

– Это не вам решать.

– Мне. Я не позволю снова задурить ему голову. Хватит. Наигралась. Завтра же мы уедем из Ванагории. А тебя ждёт ссылка в дальнее поместье, где ты сдохнешь одна, всеми забытая и брошенная.

– Вам не удастся настроить Эйдана против меня. Он меня любит, – повторила я уже не так спокойно.

Виконтесса знала, на что надавить, чтобы пошатнуть уверенность.

– Любит. Но ненадолго. Мужская любовь быстротечна. Пострадает немного и забудет. С глаз долой – из сердца вон. А я уж точно обеспечу ему невесту. Скучать он точно не будет.

– Вы всё равно не сможете нас разлучить, – сжимая кулаки, прошептала я.

– Не надо сваливать всё на меня, Селина. Ты сама виновата. Так что пожинай плоды.

– Мама?...

Мы с ней так увлеклись разговором – она злорадствовала, а я пыталась доказать ей и себе, что для нас еще не все кончено, – что не заметили, как в мои покои бесшумно вошёл Эйдан.

Интересно, как долго мужчина стоял и сколько успел услышать? За себя я не волновалась. Всё сказанное было от чистого сердца, и я, если понадобится, вновь готова была повторить, причем неоднократно. Лишь бы поверил. А вот леди Франсине так не повезло. Она показала своё истинное лицо, которое столько лет успешно прятала под маской благочестивой и кроткой леди, и как на это отреагирует сын, еще неизвестно.

Я перевела взгляд с Эйдана, который продолжал стоять в дверях, на его мать. Женщина побелела, светлые глазки бегали туда-сюда, и она явно не знала, что делать. Но надо отдать должное, виконтесса быстро взяла себя в руки.

– Эйдан, сынок, – ласково пропела леди Санроу, нацепив

на лицо сладкую улыбочку, и направилась к сыну. – Что ты здесь делаешь?

Не помогло.

– А ты? – сухо спросил он, даже не удосужившись посмотреть на мать. Его глаза были прикованы только ко мне.

– Я? Уже ничего, – она взяла его за локоть, попыталась развернуть и вывести прочь отсюда. – Уже ничего. Нашу карету подали. Пора ехать. Не хочу больше оставаться в этом доме. Это так ужасно. Так ужасно. До сих пор не могу поверить.

Я осталась стоять на месте, смотря на жениха и ожидая дальнейших действий. Уйдет или останется? Бросит или простит?

От волнения у меня перехватило дыхание и взмокли ладони.

– Мне надо поговорить с Селиной, – произнёс молодой мужчина, освобождаясь из цепких рук матери.

Но она не хотела так легко и быстро сдаваться.

– Милый, тебе нельзя находиться в покоях с этой...

– Матушка, выбирайте выражения.

– Мы должны уехать. Прямо сейчас, – её голос утратил ласковые нотки, став холодным и требовательным. Длинные пальчики с силой сжали ткань тёмно-зелёного камзола.

– Подождите меня в общем холле.

– Эйдан!

– Матушка, – не менее ледяным тоном ответил он. –

Оставьте меня с невестой наедине. Сейчас!

Я вздрогнула.

Никогда не слышала, чтобы Эйдан разговаривал с кем-либо в подобном тоне. На ум пришла мысль: а так ли хорошо я его знала, как мне казалось? Те короткие непродолжительные встречи в стенах Академии, куда виконт два года приезжал навестить меня, и пять месяцев, в течение которых мы почти не виделись, занятые подготовкой к свадьбе, – разве это могло рассказать о человеке всё? Когда-то мне казалось, что да.

Виконтесса мгновенно оценила ситуацию, поняв, что настаивать не стоит, и недовольно поджала губы.

– Хорошо, дорогой, – её голос был особенно звонким и пронзительным в тишине, которая давила на нас. – Я подожду тебя. Только недолго. Не давай этой... получить еще один козырь.

И ушла, стуча каблучками и шелестя пышными юбками. Тихо закрылась дверь, и я смогла вздохнуть. Оказалось, я задержала дыхание, боясь дернуться и спугнуть что-то. Может быть, надежду?

– Здравствуй, – произнёс Эйдан, проходя вперёд.

Но не ко мне. Мужчина обогнул столик и сел в дальнее кресло, даже не дождавшись, как присяду я. Такое попрание норм и правил вывело из равновесия.

– Здравствуй, – я села на краешек дивана, сцепив руки в замок и положив на колени. Так можно будет скрыть, как

сильно они дрожат от волнения.

– Ты встречалась с Архольдом.

Утверждение, которое могло стать приговором.

«Спокойно, Селина. Спокойно!»

– Да, – ответила ему и, боясь, что мужчина сейчас встанет и уйдет из этой комнаты и из моей жизни, тут же быстро добавила: – Но это ничего не значит. Эйдан, я люблю тебя. Только тебя!

– Леонард говорил, что вы враждовали в Академии, что он доставал тебя, мешая жить. Это тоже была ложь?

– Нет. Правда.

– И как тогда ты стала его женой, если вы ненавидели друг друга?

Если бы всё было так просто. Взять и рассказать то, чего я сама до конца не понимала.

– Я не знаю. Всё так сложно.

– Ты должна была мне рассказать.

– Должна, – быстро кивнула я. – Но не могла. Это же позор. Мне было так стыдно и тяжело вспоминать, не говоря о том, чтобы кому-то рассказать. Я верила, что произошедшее в прошлом, что у нас с тобой столько всего впереди.

– Ты любила его? – снова неудобный вопрос, и я замерла, кусая губы.

Но лгать было нельзя. Только не сейчас, когда любая мелочь может уничтожить то хрупкое, что еще осталось между нами.

– Да. Мне тогда казалось, что любила. Но я ошиблась. Любовь – это созидание. Она должна окрылять, дарить успокоение и счастье. Как у нас с тобой.

Не помогло.

– А с ним?

Я видела, как Эйдану больно спрашивать, как ему тяжело, но он вновь задавал неудобные вопросы.

– С ним? – слова закончились, а картинки прошлого лишь смущали, не давая сосредоточиться. – С ним всё было ярко, мощно. Я была как мотылёк, полетевший на огонь. И я сгорела. Короткая вспышка, и остались лишь угли.

– Ты хочешь остаться с ним?

– Нет! – я ответила быстро, не раздумывая, и для пущей убедительности еще и покачала головой. – Я люблю тебя! Только тебя! А Архольд лишь прошлое, о котором я забыла. Прости меня, если сможешь. Я знаю, что поступила ужасно. Знаю. Если бы только можно было вернуться и всё изменить.

Слёзы навернулись на глаза, и я шмыгнула носом, пытаюсь их удержать. Эйдан не переносил женских слёз, вот и сейчас не выдержал. Быстро пересел с кресла на диван рядом со мной, бережно накрыв ладонью мои сцепленные руки.

– Наверное, я должен ненавидеть тебя, Селина. Мне больно, очень больно. Внутри горит, хочется кричать и ломать всё вокруг. Должен, но не могу. Ты помнишь, как мы впервые встретились?

– Да, – я улыбнулась сквозь слёзы и постаралась успоко-

иться. Он рядом со мной. Всё будет хорошо. – Это был бал у мадам Крунз. Ты только недавно вернулся из Фрей, где два года служил у императора.

– Да. Фрея удивительная страна, открытая и в то же время очень своеобразная. Манеры, правила, обычаи и поклонение душам умерших. Они верят, что наши предки остаются и охраняют нас. А еще они очень открыты и часто улыбаются. Иногда даже без повода. Просто потому что светит солнце и хорошая погода. Или идёт дождь, что тоже хорошо, будет урожай. Они умеют радоваться новому дню и миру. Я два года прожил среди них и отвык от холодного блеска ванагорийской аристократии. А потом вдруг увидел тебя. У тебя была самая удивительная улыбка – искренняя, яркая и такая настоящая. И смех. Я услышал и пропал, не в силах отвести взгляд. Понял, что хочу видеть тебя каждый день, слышать твой смех. Это стало целью моей жизни. Моим проклятьем.

Эйдан расцепил мои руки и поднял ладошку к груди, прижимая в том месте, где билось сердце.

– Ты навсегда поселилась здесь, Селина. И я ничего не могу с этим поделать.

– Ох, Эйдан.

Больше слов не было. То, что он сказал, было удивительным и таким прекрасным, что я сама потянулась к нему, касаясь мокрыми от слёз губами его губ. Почти невесомо, мягко.

– Прости меня, – вновь прошептала едва слышно, отодви-

гаясь назад. – Прости, если сможешь.

– Мы всё исправим.

– Великие, как бы я хотела, чтобы ничего этого не было.

Я встала с дивана и подошла к камину, наблюдая, как огонь пожирает поленья, как они трещат и ломаются, превращаясь в яркие угольки.

– Ты хотел знать, как я стала его женой? – неожиданно тихо произнесла я.

– Селина...

Но молчать больше не было сил. Этот груз давил на плечи.

– Мы ведь действительно ненавидели друг друга. С самого первого дня.

– Я тебе верю.

– Нет. Я должна тебе рассказать. Понимаешь, должна. Не хочу, чтобы между нами что-то стояло, чтобы ты сомневался во мне и моих чувствах, – я глубоко вздохнула, повернулась к мужчине и продолжила. – Мы столкнулись у входа в женское общежитие. Я прибыла позже всех – задержка на портале плюс еще матушке стало плохо и пришлось вызывать лекаря. Все уже были в своих комнатах, а я даже не познакомилась с соседками. Поэтому и заспешила. А Архольд, – я отвернулась, вновь взглянув на пламя камина. – Он шёл от своей подружки. Очередной. У него их много было за эти годы. Несмотря на отсутствие титула и денег, в нём чувствовалась порода, и девушек это привлекало. Но обо всём этом я узнала гораздо позже.

Болезненное столкновение. Мой изумлённый вскрик, который словно ножом разрезал осенний вечер, еще сохранивший летнее тепло. Ступеньки у входа были крутыми и скользкими от мелкого дождика, который прошел совсем недавно. От неожиданности я едва не упала, нелепо взмахнув руками. Новая, пахнущая краской студенческая форма (длинная тёмно-синяя широкая юбка и белая блузка), ждала в комнате, и на мне было неудобное платье, воротник которого успел натереть шею.

Сильные и крепкие руки схватили за плечи, не давая упасть и помогая восстановить равновесие.

Я, едва дыша, изучала белоснежный воротник с простеньким сине-зелёным галстуком и нашивку на лацкане тёмно-синего пиджака. Пятикурсник.

От него пахло свежестью и цветами. Запах был явно женский и казался чужеродным и неправильным.

– Не ушиблась?

Голос хриплый и такой удивительно проникновенный, что я быстро сглотнула застрявший у горла ком и отрицательно покачала головой, чувствуя, как выступают капельки пота.

– Прости, я тебя не заметил.

– Всё хорошо.

– Точно? Я могу проводить до комнаты.

– Не стоит. Спасибо.

Ответила ему и решила посмотреть на незнакомца. Да-

же попыталась дружелюбно улыбнуться. Но улыбка так и не коснулась моего лица, когда я встретила с серьёзным, даже каким-то испытующим взглядом чёрных, как сама ночь, глаз.

– Синеглазка, – пробормотал молодой человек неожиданно тихо.

– Что?

Щеки запылали от смущения. Никто и никогда не смел так ко мне обращаться, и я не знала, что делать. Но хуже всего, что я понятия не имела, нравится ли мне это или нет.

– Тёмные волосы и синие глаза. Моё любимое сочетание. Ты новенькая?

Улыбка едва тронула чувственные губы, но я успела её заметить, и сердцебиение участилось.

– Да. Первый курс.

– Я Дерек Корвил, – рук он не убирал, продолжая сжимать плечи и смотря мне прямо в глаза.

– Селина. Селина Торнтон.

И всё изменилось.

Он так резко отпустил меня, что я пошатнулась на каблуках. Как будто этого было мало, он шагнул назад в тёмный коридор общежития, и я не могла разглядеть лица. Зато отлично слышала голос.

– Торнтон? Ванагория.

От него веяло холодом и опасностью. Я тут же забыла о воротнике, который натёр шею, о слишком обтягивающем

крое платья, которое сковывало движения, обо всех неудобствах.

– Да, – растерянно ответила ему, всё ещё не понимая, что произошло.

– Высшая аристократия, не так ли?

Звучало так, будто я была прокаженной.

– В стенах Академии все равны, – как по учебнику ответила я.

– Ну конечно, – к холоду добавилась язвительность, но из коридора он выходить не спешил. А я отчего-то не хотела входить. – О вражде между Ванагорией и Сангория тоже стоит забыть?

– А при чём тут это?

Спросила, а сама уже знала ответ.

– Потому что я сангорианец, – ответил Корвил, вновь выходя на свет.

Его лицо было невыразительной застывшей маской, а взгляд не обещал ничего хорошего. – Потомок Архольда. Слышала?

– Нет.

– Ну еще бы. Вы никого, кроме себя, не замечаете. Никогда.

– Зачем вы так? Вы же совсем меня не знаете.

– А я не хочу знать. Ты такая же, как остальные. Беспринципная и расчётливая дрянь! – процедил он и, не дожидаясь ответа, быстро спустился вниз и ушел.

– И почему он так с тобой обращался? – выслушав мой рассказ, спросил Эйдан.

Я пожала плечами.

– Если бы я знала. До сих пор не понимаю. Можно было принять на веру его нелюбовь к ванагорийкам, ведь наши страны тогда действительно враждовали. Но в Академии было полно других девушек и парней из Ванагории. И с ними он обращался на порядок лучше. Аристократия? Тоже не показатель. Архольд не смотрел на классовые различия, окружая себя и одними, и другими.

– И что тогда?

– Не знаю, – вздохнув, ответила я и вновь вернулась на диван. – Просто пришла к выводу, что он избрал меня игрушкой для битья без каких-либо оснований и пинал, наслаждаясь беспомощностью и неспособностью достойно ответить.

– Почему ты не рассказала учителям? Не обратилась к ректору? – Эйдан приобнял меня за плечи, и я вздохнула, вновь ощущая чувство покоя.

– А обращаться было не с чем. Он не делал ничего плохого, просто выставлял душой и подвергал унижению. Со стороны придаться было не к чему, но чувствовала я себя ужасно. День за днём, неделя за неделей.

– Мне жаль, что тебе пришлось пережить всё это, – молодой мужчина поцеловал в висок и прижался еще теснее, гораздо теснее, чем это разрешалось нормами и правилами.

Но я не возражала.

– Клянусь, я пыталась его игнорировать, пыталась не замечать. Но становилось только хуже. Он словно старался вывести меня из себя, пробиться через защиту. Чем сильнее я сопротивлялась, тем жёстче Корвил действовал. Пока я сама не стала огрызаться в ответ.

– И когда всё изменилось?

– На весеннем балу Душ.

– И что там произошло?

Язык словно прирос к нёбу. Надо было всё рассказать Эйдану, но я не могла. Не потому, что боялась. Просто не хотелось делиться воспоминаниями. Такими родными, яркими и счастливыми. Это вдруг показалось неправильным.

– Архольд решил, что у него чувства ко мне и мы должны быть вместе, – как можно честнее ответила ему. И ведь не солгала.

– А ты?

– Меня никто не спрашивал, – горько улыбнулась в ответ и перевела разговор в другое русло. – Эйдан, как нам теперь быть? Леонард сказал, что ждать придётся больше месяца. Но я не хочу. От одной только мысли, что мы с Архольдом женаты, становится плохо.

Мужчина ласково коснулся щеки, которая еще горела от удара, и я дёрнулась.

– Я прошу прощения за несдержанность моей матери.

– Она меня ненавидит и никогда не одобрит.

– У неё не будет выхода, потому что я не собираюсь отступать. И у меня есть идея.

Звучало очень оптимистично.

– Завтра утром ты уезжаешь.

– В поместье? – недоверчиво уточнила я.

– Нет. Тебя отправят на побережье Корлии.

– Корлия? – я удивлённо приподняла брови. – На виноградники? Зачем? Я не понимаю.

– Жрец сказал, что ваш брак может расторгнуть лишь помазанник Великих. Проблема в том, что в связи с мирными переговорами король Гаретт Третий может отложить ваше дело на неопределённый срок или вообще отказать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.